
Андрей БАРАНОВ

БРАТЯ ФЕДОРОВЫ

Повесть

ГЛАВА 1

Алексей никогда не появлялся в офисе раньше одиннадцати.

Он мог себе это позволить, потому что был совершенно незаменимым человеком на фирме «Амалия» — ее генеральным директором.

Фирма располагалась на двадцать девятом этаже гигантского небоскреба в самом центре столицы и была такой большой, что занимала собой весь этаж.

Каждое утро, приезжая на работу в просторном салоне «Bentley», пахнущем кожей, сандалом и неуловимым ароматом власти и успеха, Алексей всякий раз бросал взгляд на небоскреб и сразу же из сотен одинаковых для несведущего взгляда окон выделял окна своей фирмы: они смотрели на мир, горя отраженным летним солнцем, или светились изнутри в зимней промозглой серости совсем иначе, чем все другие окна.

Водитель высаживал его у стеклянной вращающейся двери и отправлялся на подземную парковку — ждать дальнейших распоряжений шефа. Начиная свой рабочий день, Алексей на минутку замирал у подъезда, как бы раздумывая о чем-то или кого-то поджидая, а затем не торопясь направлялся к двери, которая плавно поворачивалась перед ним, открывая выложенный искусственным мрамором и гранитом, сверкающий зеркалами и светильниками, пропитанный ароматизаторами и освежителями воздуха, гудящий от звука шагов и приглушенных голосов холл небоскреба.

Если бы вы оказались в этот момент в южном вестибюле стеклянной многоэтажной башни, вы обязательно заметили бы моего героя и невольно выделили его из снующей вокруг толпы офисных клерков, озабоченных посетителей и просто празднующихся зевак. Ваше внимание непременно привлек бы идеально сидящий на нем костюм-тройка насыщенного синего цвета в крупную клетку с оранжевой жилеткой и голубым галстуком, дорогие туфли из черной глянцевой кожи, белоснежная рубашка из оксфордского хлопка, явно пошитая по индивидуальному заказу. Подняв взгляд выше, вы не смогли бы не отдать должное его хорошо вылепленному, гладко выбритому лицу с несколько грубоватыми чертами: крупным носом, тяжеловатым подбородком, широкими скулами, а спокойный взгляд темно-серых глаз из-под скошенных уголками век довершил бы образ. Его небольшой рост, полноватость, походка немного вразвалочку создали бы в вас ложное впечатление мягкости и даже какой-то плюшевости, но

Андрей Александрович Баранов родился в 1962 году в г. Виннице (Украина). Окончил УлГПИ им. И. Н. Ульянова в Ульяновске и аспирантуру при РГПУ им. А. И. Герцена в Санкт-Петербурге. Работал учителем русского языка и литературы в школе, преподавателем вуза, сотрудником Института повышения квалификации, руководителем методической службы в одном из крупнейших издательств по производству учебников для школ. Автор четырех поэтических книг и двух книг прозы. Стихи и проза публиковались в журналах «Бельские просторы», «Дальний Восток», «День и ночь», «Симбирск», «Топос», «Сетевая словесность», «45-я параллель», «Литература» и других. Живет в Москве.

если бы вы случайно наткнулись на него в толпе, увлекаемые потоком офисного планктона, вы почувствовали бы под мягкой оболочкой сталь.

Алексей любил эти минуты, когда он вступил уже на рабочую территорию, но пульсирующий ритм сердца российского капитализма еще не захватил его целиком, и можно было идти не торопясь, потихоньку втягиваясь в деловую суету и перебирая в голове массу важных и неотложных проблем, которые предстояло решить в течение дня или в ближайшее время.

Его фирма занималась... Впрочем, какая разница, чем занималась его фирма? Мало ли, чем может заниматься современная компания, расположенная в Москва-Сити и арендующая для своего центрального офиса целый этаж в одном из высочайших небоскребов Европы! Разумеется, Алексей хорошо разбирался в специфике деятельности своей компании, отлично понимал рынок, владел обширной инсайдерской информацией, лично знал руководителей конкурирующих фирм, внимательно следил за зарубежным опытом — все это так, но по большому счету это было для него неважно. Это была чистая случайность, что его фирма занималась современными технологиями в области высокоскоростного беспроводного Интернета, с таким же успехом она могла строить дома, разводить коров или разрабатывать компьютерные игры — его волновала не столько специфика бизнеса фирмы, сколько ее эффективность. За время работы в холдинге миллиардера Головина это была третья возглавляемая Алексеем компания, первые две он вывел на траекторию свободного полета и с легким сердцем передал своим преемникам. Приближался срок, когда и «Амалию» он передаст и займется каким-нибудь новым проектом, выводя перспективный стартап в лидеры рынка на благо главного акционера холдинга — Ильи Федоровича Головина.

Илья Федорович высоко ценил своего верного Лешу, настолько высоко, что тот без особого напряжения купил себе дом в элитном коттеджном поселке по Новой Риге — двухэтажный особняк в викторианском стиле, — ездил на «майбахе», платил за обучение сына в частной английской школе под Манчестером, а суммы на его счетах в отечественных и зарубежных банках исчислялись многозначными числами.

Алексей стоил, конечно, дорого, но приносил холдингу, несомненно, больше. У него был врожденный талант менеджера, не менее редкий, чем талант художника или режиссера. Беря в управление новую фирму, он не просто изучал ее продукт, состояние дел, людей, партнеров, ключевых клиентов — он ощущал ее кончиками пальцев, как ощущает скульптор холодную вязкость глины, постепенно, шаг за шагом формируя из нее тот идеальный образ, который присутствует у него в голове. Но если скульптор берет однородную безликую массу и своим мастерством ваяет из нее неповторимое произведение искусства, то Алексей, напротив, брал уникальную и неповторимую в своей неправильности фирмочку с ее непередаваемой атмосферой, непохожими друг на друга людьми, собранными на коленке регламентами, а на выходе получал безликую бизнес-единицу, работающую как точно отлаженный механизм по производству прибыли.

Вот и сегодня, войдя в широкую металлическую дверь, рядом с которой крупными черными буквами на золотистом фоне было выведено «ООО „Амалия“», Алексей хозяйским взглядом окинул открывшиеся ему опен-спейсы, в которых шел привычный рабочий процесс: светились окошки мониторов, жужжали принтеры и сканеры, звенели телефоны, в прозрачных переговорных шли рабочие совещания. Казалось, здесь все движется само собой, не требуя не только его участия, но и вообще участия людей. Из пяти сотен работающих здесь сотрудников, пожалуй, только он знал, каких усилий стоило создание этой бесперебойно работающей машины, как собиралась и спланировалась команда топ-менеджеров, как выстраивались эффективные бизнес-процессы, как из разношерстной публики отливалась армия безупречных бизнес-солдат, вышколенных и обученных по последнему слову американского менеджмента.

Последние пять лет фирма стремительно росла, занимая все большую долю рынка беспроводного Интернета, но теперь возможности для расширения были исчерпаны: экспансия натолкнулась на сферы влияния конкурентов, которые не собирались сдавать свои позиции. Дальнейший рост мог быть обеспечен либо каким-то техническим ноу-хау, которого не просматривалось на горизонте, либо покупкой одного из конкурентов, что было очень дорого. Был еще вариант продолжать возделывать свою полянку, но это неминуемо привело бы к сокращению нормы прибыли. Можно было также продать «Амалию», но для этого нужно было найти подходящего покупателя. Этими размышлениями все последние месяцы была забита голова Алексея. Приблизился совет директоров холдинга, на котором ему предстояло представить свою концепцию дальнейшего развития, а он еще не выбрал оптимальный вариант, который будет защищать на совете.

Проходя через приемную в свой кабинет, Алексей попросил у помощницы чашечку кофе и до назначенного на полдень совещания топ-менеджеров закрылся у себя, чтобы еще раз пересмотреть материалы к презентации для совета директоров.

ГЛАВА 2

Алексей вошел в свой рабочий кабинет, из которого открывался захватывающий панорамный вид на Москву, сел за просторный и совершенно пустой рабочий стол, открыл ноутбук и погрузился в чтение.

Пока он читает, я быстренько расскажу вам его историю, чтобы вы лучше представили себе нашего героя.

Алексею недавно стукнуло сорок пять. Во времена Толстого и Достоевского таких людей называли стариками, но по нынешним временам это был молодой мужчина, можно сказать юноша. Наше время вообще сильно изменило представление людей о возрасте, современные люди не торопятся взрослеть и созревать, до седых волос ведут вполне молодежный образ жизни, не женятся, не выходят замуж, не заводят детей. Они проводят свое свободное время в ночных клубах и путешествиях, гоняют на байках и играют в «Village» или «Outriders» на компьютере или игровой приставке. Я сказал «до седых волос», но это выражение сегодня потеряло смысл: и женщины, и мужчины закрашивают седину, накачивают мускулатуру в фитнес-центрах, следят за питанием — и в свои тридцать пять выглядят на восемнадцать, а в пятьдесят на тридцать пять.

Отдавая дань времени, Алексей большое внимание уделял своему здоровью и внешнему виду, но в отличие от большинства своих сверстников он рано повзрослел и рано взвалил на себя ответственность за многое и за многих.

Он родился в Средеволжске в обычной советской семье. Отец работал начальником цеха на автомобильном заводе, мать — инженером в НИИ. Из самого раннего детства его память сохранила мало воспоминаний — отдельные смутные образы вроде расплывчатых лиц воспитательницы в детском саду, первой учительницы, первых друзей, понравившихся девчонок. Сейчас он не мог вспомнить даже их имен, а ведь когда-то они занимали в его жизни очень важное место. Вспоминались ему любимые книжки и мультфильмы: «Муми-Тролль», «Волшебник Изумрудного города», «Бильбо Бэггинс», «Винни-Пух», «Тайна третьей планеты»... Он помнил не просто основные события и главных героев, но запах этих книг, расположение картинок на страницах, спокойный и ровный голос отца, читавшего очередную главу на ночь. Иногда в памяти всплывали какие-то разрозненные образы природы: закат над сельским прудом, березовая роща, пронизанная веселым чистым светом, гигантские стрекозы над лиловыми маковками иван-чая. Наверное, эти воспоминания были связаны с летними отпу-

сками, проводимыми вместе с родителями где-нибудь на даче, или летними лагерями, в которые Алексей ездил с первого класса. Иногда память оживляла вдруг его любимые игрушки: желтую машинку с длинной антенной, которая была совсем как настоящая, и ездил, управляемая пультом дистанционного управления, по асфальтированной баскетбольной площадке у них во дворе; черный паровозик с красной полосой и прикрепленным к нему пассажирским вагончиком, который сам собой носился по маленькой железной дороге, переезжал мостик, пропадал в туннеле, а потом появлялся с другой стороны. Были и еще какие-то воспоминания, но все это было так смутно, так разрозненно, что порой Алексею казалось, что его детство было не с ним, а с каким-то другим человеком, а может быть, его и вообще не было.

Более связанные и осмысленные воспоминания начинались со средних классов школы, когда у него появились настоящие друзья и отношения с девочками, когда он занялся боксом и все вечера проводил на тренировках. Запись в секцию бокса была первым самостоятельным поступком тринадцатилетнего подростка. Отец отнесся к решению сына с пониманием, мать же была в ужасе, она плакала и умоляла его «бросить этот мордобой», но Алексей смог настоять на своем, пообещав, что бокс не отразится плохо на его успеваемости. Он сдержал слово. Несмотря на то, что он делал несомненные успехи в спорте и много времени проводил на сборах и соревнованиях, школу он окончил на «четыре» и «пять», побеждал в олимпиадах по физике и как олимпиадник был зачислен в престижный московский инженерный вуз.

Бокс многому научил Алексея: не бояться открытой агрессии, правильно взвешивать и рассчитывать свои силы, оценивать силы соперника, строить стратегию боя, основываясь на точном расчете, уворачиваться от ударов, которые могут сбить с ног, а уж если пропустил, то удержаться на ногах, молниеносно перейти в контратаку, сконцентрировать все силы в одном заключительном ударе — и все-таки победить! Эти навыки пригодились Алексею и в жизни: когда встречался с уличной шпаной рядом с домом или на школьном дворе, когда участвовал в олимпиадах, когда учился в университете, одновременно подрабатывая вышибалой в элитном ночном клубе, когда пришел работать в IT-компанию и сделал стремительную карьеру от рядового программиста до члена совета директоров гигантского многопрофильного холдинга.

Известный всей стране мультимиллиардер и олигарх Илья Федорович Головин не сразу заметил и оценил таланты одного из тысяч своих сотрудников. Сначала тот проявил себя в IT-компании, входящей в холдинг, тем, что создал вместе с коллегами уникальную систему управленческого учета. Система была замечена и распространена на весь холдинг, а ее идейный вдохновитель и главный архитектор возглавил в корпоративном центре дирекцию информационного развития. И все-таки Алексею не хотелось оставаться вечным айтишником. Возглавляя IT-дирекцию, он заочно окончил экономическую академию и даже защитил диссертацию по экономике.

Изредка встречаясь с Алексеем на совещаниях, посвященных вопросам информационных технологий, Илья Федорович Головин был поражен, насколько легко и толково этот технарш рассуждает о чисто экономических категориях: рентабельности, финансовом плече, чистой прибыли. Пригласив его однажды к себе на разговор, он убедился, что это не просто красивые фразы — Алексей действительно понимал, как правильно построенные управленческие цепочки создают на рынке те самые конкурентные преимущества, которые позволяют добиваться ощутимого результата. И Илья Федорович решил рискнуть: назначил Алексея генеральным директором только что приобретенного им интернет-магазина. Эксперимент удался: уже через год интернет-магазин увеличил прибыль в десять раз и стал одним из самых рентабельных предприятий холдинга. С той поры Алексей был принят в ближний круг Головина.

И вот он сидит на двадцать девятом этаже семидесятиэтажного небоскреба с видом на Москву-реку, Кутузовский проспект, Поклонную гору в мягком кожаном кресле пе-

ред раскрытым ноутбуком и внимательно изучает выкладки аналитиков о дальнейших путях развития фирмы «Амалия». Ему предстоит сделать нелегкий выбор, платой за который может стать как очередной бонус со множеством нулей, так и его собственная голова — бизнес не терпит сантиментов. Качество материалов Алексея совершенно не устраивает. До совета директоров остается полтора месяца, а материал настолько сырой, что непонятно, как на его основе можно сделать сколь-нибудь обоснованные выводы. Алексей внутренне настраивается на жесткий разговор с топ-менеджерами, которые толпятся уже в приемной, ожидая разрешения войти, и в этот момент раздастся телефонный звонок — звонит стационарный. Алексей несколько удивлен — он просил помощницу ни с кем его не соединять до совещания с топ-менеджерами, кроме самых экстренных случаев.

— Что случилось, Маша? — вежливо, но с интонацией, в которой явственно читается недовольство, спрашивает он, подняв трубку.

— Алексей Михайлович, звонит ваш брат. Говорит, по очень важному делу.

ГЛАВА 3

Брат?! Алексей не мог даже вспомнить, когда он последний раз разговаривал с братом, не говоря уж о том, когда видел. Давным-давно, лет двадцать назад произошел между ними страшный и нелепый разрыв, о котором Алексей не хотел вспоминать. С тех пор он даже к родителям приезжал, только будучи уверен, что не встретит в их доме Егора, впрочем, Егора там никогда и не было.

Братья жили, по современным понятиям, совсем недалеко друг от друга: Алексей — в Москве, Егор — в Питере, в двух российских столицах, расположенных в четырех часах езды на скоростном поезде друг от друга, но никогда не виделись и не созванивались — можете представить себе удивление нашего героя, когда он услышал, что звонит брат!

Хотя последние годы братья относились друг к другу как посторонние люди, на самом деле они не были чужими. Кровное родство даже в наши дни сохраняет тайную магическую силу. Не встречаясь и не созваниваясь с Егором много лет, Алексей не мог отделаться от ощущения невидимых нитей, прочно привязавших его к брату. Что это за нити — он не знал, но чувствовал их всем существом, и они представлялись ему более реальными, чем все переговоры, стратегические сессии и многомиллионные контракты, которыми была заполнена его жизнь топ-менеджера крупной корпорации.

Он хорошо помнил, как брат вошел в его жизнь. Ему было тогда четыре года, и он с удивлением стал замечать, что мамин живот, прежде мягкий и теплый, в который было так хорошо вжиматься головой, охватывая руками широкие мамины бедра, стал вдруг большим и тугим, как барабан.

— Мама, почему у тебя такой большой живот? — спросил он.

— Там живет твой маленький братик или сестренка, — весело ответила мама, и он не мог понять: шутит мама или говорит серьезно.

— Ему там, наверное, темно и тесно, — предположил Алеша, представив себя в животике у мамы.

Мама рассмеялась в ответ:

— Ему там тепло и уютно. Когда-то ты тоже жил у меня в животике, и тебе вполне там нравилось.

— А как я оттуда выбрался? — Алеша в ужасе представил, как маме разрезают живот, точно волку в сказке о Красной Шапочке.

— Для этого есть специальная дверка внизу живота, — успокоила малыша мама.

Алеша сильно засомневался в существовании такой дверки, но что ему оставалось, как не принять ее слова на веру? И он стал с нетерпением ждать появления на свет сво-

его братика. Он почему-то сразу решил, что это будет именно братик, хотя родители не были в этом так уверены, а точно они не знали, потому что это происходило в те времена, когда ультразвуковая диагностика была еще крайне редкой процедурой, которую назначали далеко не всем, да и то в редких исключительных случаях.

Алеша мечтал, как они вместе с братиком будут играть в машинки и кататься на трехколесных велосипедах, как весело им будет спать на соседних кроватях и вместе садиться за стол — прямо как в садике, только в садике там все чужие, а это будет его собственный родной брат!

Однажды утром Алеша удивился, что в садик его будит не мама, а бабушка.

— Алешенька, внучек, вставай, — тихонько тормошила его бабушка. Алеше было приятно, но не так приятно, как когда его тормошила мама: бабушкины руки были грубее и суше, но все равно добрые и ласковые.

— А где мама? — спросил Алеша, сладко потягиваясь и зевая.

— А мама поехала в магазин за братиком.

— Бабушка, не выдумывай, деток не забирают в магазине, они выходят через дверь в животе, а помогают им выйти в больницу.

Бабушка всплеснула руками на такие познания внука, но быстро нашлась:

— В наше время в магазинах забирали, а теперь — да, в больницах. Вот мама в больницу и поехала.

— А когда она привезет братика?

— Скоро. Сегодня вместе с папой поедешь с ним знакомиться.

Весь день в садике Алеша не мог говорить ни о чем другом, кроме как о своем новом братике, и даже рассорился с Наташкой Серовой и Володькой Карякиным, которые выдвигали другие, совсем уж неприличные версии появления детей на свет.

Папа забрал его из садика чуть раньше, и они пошли не в сторону дома, а на трамвайную остановку и поехали на трамвае в больницу, которую папа называл почему-то странным словом «роддом».

«Роддом» был желто-оранжевым, местами облупившимся зданием в два этажа с высокими полукруглыми окнами. Внутрь их не пустили, и папа долго выкрикивал маминo имя, пока, наконец в одном из окон не появилась мама. Алеша ее совсем не узнал: она была в чем-то белом, в таком же белом платочке, скрывавшем ее густые волнистые волосы, лицо казалось бледным и усталым, под глазами залегли темные круги, но она улыбалась и показывала через стекло им с папой какой-то белый кулек.

— Смотри, это твой братик! — светясь от радости, восклицал отец, брал сына под мышки и поднимал как можно выше, чтобы тот лучше разглядел новорожденного, но Алеша не мог разобрать ничего, кроме белой куколки с красным пятном сверху. Так он и не понял, что это было. Подумалось, что, наверное, он смотрел невнимательно и пропустил тот момент, когда ему показали брата. Для себя он решил, что уж дома-то разглядит его получше.

Но когда братика привезли домой, его разочарованию не было предела: с этим мелким большеголовым, короткоруким и коротконогим существом нельзя было не только поиграть в машинки или побегать в догонялки, он и на человека-то был мало похож, валялся целыми днями в кроватке, бессмысленно сучил ножками и ручками, беспричинно орал противным голосом и кусал маму за грудь своим беззубым, но очень сильным ртом. А самое обидное было то, что этому никчемному, страшному и капризному существу теперь принадлежало все внимание мамы и папы. Алексей почувствовал себя чужим в своем собственном доме, и от этого ему стало горько и обидно.

Постепенно он привык к братику, смирился с необходимостью делить с ним родительскую любовь, начал находить положительные стороны в своем статусе старшего брата, но это первое впечатление, когда так грубо и непоправимо были разрушены его самые светлые мечты, осталось с ним навсегда.

ГЛАВА 4

— Соедини, — сухо бросил Алексей, недовольно взглянув на часы — до назначенного совещания оставалось пять минут.

В трубке блямкнул кусочек музыкальной фразы, и в образовавшейся затем тишине Алексей не услышал, а скорее почувствовал дыхание брата.

— Егор, ты? — спросил он, как спрашивал в юности, когда из прихожей вдруг слышались звук открываемого замка, хлопанье двери и чьи-то неразборчивые шаги.

— Разве тебе не доложили? — в голосе брата слышалась горечь.

— Что-то случилось?

— Звонила мама, отец совсем плох, врачи говорят, речь идет о нескольких днях.

Алексей достал смартфон, выключил авиарежим и тут же увидел четыре пропущенных вызова от матери — известия о несчастьях всегда приходят не вовремя!

А еще несчастья всегда приходят неожиданно. Еще вчера ты наслаждался комфортом, твои близкие были живы и здоровы, время текло размеренно и плавно в привычных делах, заботах, разговорах, ты знал, что будешь делать днем, куда пойдешь вечером, куда поедешь в отпуск, чем займешься на выходных — и вдруг в одну секунду, в одно мгновение все меняется, и ты просыпаешься в другой реальности, когда твое тело больше не служит тебе, а раскалывается от невыносимой боли, когда самый родной и любимый человек вдруг покидает тебя или ты оказываешься на улице без крыши над головой и средств к существованию — и тогда начинается совсем другая жизнь, жизнь в несчастье. Мир поворачивается к тебе своей мрачной изнанкой, а ты и не знал до этого, что вокруг столько боли, страдания и слез!

По нынешним представлениям, отец был далеко еще не стар: в наши дни семьдесят лет — совсем не возраст для умирания. Правда, в последнее время он сильно болел. Но живут же люди со своими болезнями!

Проблемы со здоровьем начались у отца лет двадцать назад. Тогда у завода, на котором он проработал четверть века, сменились собственники, и новая команда приступила к тотальной зачистке руководителей среднего звена. Инженеров старой советской школы заменяли на эффективных менеджеров нового образца. Не избежал печальной участи и Михаил Павлович. Отцу не было тогда и пятидесяти, и сначала ему казалось, что с его образованием и опытом он легко найдет работу, но не тут-то было: промышленных предприятий в городе почти не осталось, никому не нужен был инженер-машиностроитель, но даже там, где встречались интересные вакансии, кадровики с подозрением смотрели на пятидесятилетнего соискателя и, несмотря на большой опыт, предпочитали ему кандидатов помоложе.

После двух месяцев бесплодных хождений по собеседованиям отец с трудом устроился кладовщиком на склад пиломатериалов и был страшно рад этой удаче. Тогда-то и раздалась первые звоночки грозного заболевания, которое через двадцать лет уложило его в постель. Сначала начались сильные головные боли и шум в ушах, отец стал быстро уставать, у него появилась забывчивость, какой прежде за ним не наблюдалось: он вполне мог забыть о маме, которая ждала его у театра, не мог найти телефон, который за десять минут до этого положил в карман куртки, забывал кипящий чайник на плите и названия фильмов, которые только что посмотрел.

Мама рассказывала о тревожных симптомах Алексею, когда они созванивались, и из разговоров с матерью он понимал, что болезнь отца стремительно прогрессирует: всегда спокойный и доброжелательный, отец неожиданно стал тревожным и мнительным, подолгу сидел в своем кресле, ни на что не реагируя, или, наоборот, раздражался на каждый звук с кухни или с улицы, он стал плохо видеть и слышать, совер-

шенно расстроилась координация движений, он плохо попадал ложкой в рот, когда ел, а вилкой мог даже пораниться, поэтому мама спрятала все вилки в доме. Выйдя из дома, он мог неожиданно упасть — и из осторожности стал ходить с палочкой, но даже дополнительная опора часто не спасала: пришлось совсем отказаться от прогулок. Он уже не работал, и Алексей ежемесячно переводил матери круглые суммы, благодаря которым семья не бедствовала, а в уходе за отцом помогали медсестра и сиделка. Сын полностью оплачивал дорогостоящее отцовское лечение, но к врачам обратились слишком поздно — атеросклероз зашел уже непоправимо далеко. Алексей и сам понимал это, когда мама передавала трубку отцу — речь его с каждым днем становилась все более сбивчивой и невнятной, он забывал то, о чем сын рассказал ему минуту назад, зато постоянно вспоминал случаи из его детства и часто плакал при этом. Алексею было искренне жаль отца, но ему совсем не хотелось видеть его в этом жалком и беспомощном состоянии. Стараясь откупиться от угрызений совести, которые мучили его, Алексей постоянно увеличивал денежные переводы домой. Мать была ему очень признательна и в каждом телефонном разговоре униженно за это благодарила, от чего Алексею становилось еще тяжелее и муторнее на душе. Он ненавидел себя за малодушие, но не мог найти силы, чтобы сесть в поезд или в самолет и навестить стареющих родителей.

ГЛАВА 5

Вид телесной немощи, связанных с этим звуков, запахов, неприятных и неэстетичных физиологических подробностей и деталей вызывает у современного человека реакцию отторжения. Современный человек хочет видеть вокруг себя бодрых, энергичных и уверенных в себе людей с накачанной мускулатурой, ухоженными ногтями и волосами, в дорогих тряпках от Gucci и Armani. Куда деваются потом эти люди, когда им исполняется семьдесят или восемьдесят лет, он старается не думать. Алексей в этом смысле был типичным продуктом своего времени. Он готов был посылать какие угодно деньги на лечение и уход для отца вместо того, чтобы просто приехать и хотя бы посидеть рядом с его постелью и подержать за руку.

Ему было обидно и горько, что отец стал таким, каким он стал. Он видел в этом какую-то вселенскую несправедливость и оскорбление, которое природа (Бог?) наносит лично ему. «Неужели и я стану таким же? — думал он. — Нет уж, лучше пустить себе пулю в висок, чем опуститься до такого полуживотного состояния!»

С детства Алексей привык гордиться отцом. Ему было приятно осознавать, что отец делает те самые неброские на вид, но безотказные и надежные машины, выкрашенные обычно в болотно-зеленый или грязно-бежевый цвет, которые весело бегали по улицам его родного Средневожска рядом с «Волгами», «москвичами» и «Жигулями». Конечно, в «Волге» и «Жигулях» было комфортнее, зато за городом отцовским «козликом» и «буханкам» не было равных — российское бездорожье было им нипочем.

Алеша учился еще в начальной школе, когда отца назначили начальником кузовного цеха. Отец пришел в тот день с работы радостный, возбужденный, принес маме охापку гвоздик, а Алексею набор немецких пластмассовых солдатиков, о котором тот мечтал уже много лет, но родители все откладывали покупку, ссылаясь на нехватку денег. Даже мелкому Егорке подфартило: он получил замечательную заводную машинку, которая заводилась не ключом, а самими колесами, когда давала задний ход. Алексей невольно стал размышлять: интересно, что лучше — такая машинка или набор солдатиков? Но подумав, решил, что солдатики все-таки лучше!

— Папа, ты теперь самый главный в цеху, да? — спросил Алексей.

— Да, сынок.

— А когда ты станешь самым главным на заводе?

Отец рассмеялся в ответ и дружески положил руку сыну на плечо:

— Для этого мне нужно еще очень многому научиться, — сказал он серьезно, как разговаривал бы с равным себе по возрасту человеком. Алексей боготворил своего отца. Он восхищался его силой и умом, веселым и открытым нравом, тем, что у него столько друзей и знакомых. Когда они гуляли по улицам Средневолжска или ехали в трамвае на спортивную секцию, Алешу поражало, что с отцом постоянно здоровались какие-то чужие люди, которых он никогда прежде не видел.

— Кто это? — спрашивал он отца, и отец рассказывал ему про очередного знакомого или приятеля, которого он знает со школы или института, вместе работает на заводе или ходил в походы, играл в футбол, ездил на рыбалку. Алексея поражал такой круг общения, он думал: вот вырасту, и у меня тоже будет столько друзей!

Все детство отец был с ним рядом. Правда, с какого-то времени в их тандем вклинился третий участник в лице младшего брата, но отец умудрялся уделять внимание им обоим, как Егор ни тянул одеяло исключительно на себя. Кроме того, отец часто говорил маленькому Егорке, что Алексей — старший, чем старался поднять его авторитет в глазах брата, на что брату было глубоко наплевать. С младенчества он громко и решительно заявлял о своих правах на родителей, и никакой Алексей не мог ему в этом помешать.

Считается, что родители одинаково любят своих детей, но на самом деле это не так. Алексей хорошо прочувствовал это на себе. Уже лет в десять он на интуитивном уровне ощущал, что мама любит Егора больше, чем его, но зато отец отдает предпочтение ему.

Детство — удивительная пора! Казалось бы, в родительском доме протекли тысячи дней твоей жизни, причем первых дней, когда все еще в новинку и каждый день полон новыми открытиями и переживаниями. Каждый день равен годам, потому что в нем происходит так много всего. Но все эти миллионы событий и чувств потом куда-то исчезают, испаряются, как роса в жаркий летний день. От них почти ничего не остается, только редкие расплывчатые воспоминания.

Вспоминая свое детство, Алексей ловил себя на том, что самые яркие и отчетливые воспоминания были связаны именно с отцом. Одно из таких воспоминаний он особенно любил, и когда на каком-нибудь командном тренинге высоколбый бизнес-тренер в костюме от Versace просил закрыть глаза, расслабиться и вспомнить что-нибудь очень приятное, он обычно вспоминал именно этот случай из детства.

Стояли жаркие летние дни. Семья проводила отпуск в деревне, где они обычно снимали на месяц дом, чтобы дети набрались солнечного тепла, напились парного молока, надышались прозрачным воздухом, лишенным городских выхлопов и испарений.

Еще с вечера отец сказал, что утром они вдвоем — он и Алексей — пойдут на рыбалку, но для этого надо будет встать очень рано и не проболтаться Егору, потому что тот тоже потребует, чтобы его взяли с собой, а он еще очень мал, чтобы проснуться в четыре часа утра.

Алексею ужасно хотелось похвастаться перед братом, что они завтра идут с отцом на рыбалку, но он сдерживался изо всех сил.

Вечером Алексей беспрекословно пошел спать, но решил не засыпать, чтобы не пропустить приключение. Он лежал, смотрел на вечерний свет, просвечивающий сквозь кольшущиеся занавески, и не заметил, как заснул.

Утром над ним склонилось лицо отца — тот ласково тряс его за плечо. Веселое солнце уже проникало в комнату сквозь ветви берез под окном и гардинную ткань. Ужасно хотелось спать, но Алексей моментально сбросил одеяло и стал одеваться.

Они вышли тихо, на цыпочках, чтобы не разбудить спящих маму и брата. Утро стояло светлое и радостное, искрилась роса, свистели птицы, солнце играло на безоблачном небе чуть выше купола недавно восстановленной деревенской церкви. Подсвеченная утренним светом, церковь целиком отражалась в неподвижном зеркале пруда, а по пруду плыли белые гуси, медленно и плавно, оставляя за собой след разбегающихся волн. Вот это солнце, этот отраженный в зеркале деревенского пруда храм, этих белых гордых гусей, это синее бездонное небо надо всем и отца рядом, отца, который в то утро принадлежал только ему, а впереди была еще целая рыбалка, полная захватывающих приключений, — вот это все и вспоминал Алексей в конференц-залах роскошных отелей, когда его просили вспомнить самый счастливый день его жизни.

ГЛАВА 6

Но годы шли, а отец так и не становился главным на заводе.

Алексей учился в престижной школе с углубленным изучением английского языка. Большинство одноклассников были детьми и внуками крупных партийных и советских бонз. В младших и средних классах эта принадлежность одноклассников к средневожской элите как-то не особенно была в глаза: все носили одинаковую форму, пионерские галстуки, комсомольские значки, ходили в одни и те же спортивные секции, ели в общей столовой, пели в школьном хоре. Все стало меняться в старших классах.

К тому времени Союз уже распрощался со своим социалистическим лагерем и стремительно покрывался трещинами от фундамента до самой крыши, катясь к своему крушению. На радио и по телевизору, на страницах газет и журналов теперь главными стали две темы: в каком ужасном прошлом мы жили последние семьдесят лет и какое счастливое будущее нас ждет прямо завтра, как только мы дадим полную свободу рынку и заведем у себя демократию по западному образцу. А в настоящем — в настоящем происходили небывалые прежде вещи, о которых не писали в газетах и не рассказывали на телевидении, но о которых все знали, и эта третья тема была, пожалуй, даже более важной в разговорах людей между собой, чем первые две. Говорили, что партийные и комсомольские боссы потихоньку налаживают связи с бандитами и цеховиками, создают с ними кооперативы и совместные предприятия, директора прибирают к рукам заводы и фабрики, распоряжаются там как настоящие капиталисты, окружают свои предприятия десятками прикормленных фирм, через которые сбывают продукцию на «свободном» рынке по завышенным ценам, а разницу между официальной и «рыночной» ценой кладут себе в карман.

Изменения в жизни советской элиты быстро отразились на поведении и даже внешнем виде их детей. Золотые мальчики и девочки начали приходить в школу, как на показ мод. Класс стал похож на цветник: мажоры выпендривались друг перед другом стилем, качеством и даже цветом одежды: всевозможные оттенки красного, синего, зеленого, оранжевого и всех прочих цветов радуги взорвали унылую школьную атмосферу. Девчонки надели разноцветные легинсы и лосины, футболки и свободные джемпера, парни — джинсы, толстовки, кожаные куртки и опять же футболки всевозможных расцветок с самыми нелепыми надписями и изображениями на них. Это стало настоящей манией и главным мерилем отношений. Молодые люди, одетые в фирменные вещи от Nike и Adidas, легко замечали на одноклассниках китайские подделки и надменно отворачивались от их обладателей. В число парий попал и Алексей — его не спасли ни успехи в спорте, ни победы на олимпиадах. Чувствовать себя человеком второго сорта было больно и унижительно, а главное — никому ничего невозможно было доказать. Два последних года в школе стали для него настоящим кошмаром. Все бывшие дру-

зья понемногу отдалились от него, они жили своей жизнью, собирались друг у друга в просторных многокомнатных квартирах, смотрели американские фильмы на импортных видеомагнитофонах, слушали модные группы на японских кассетниках, курили «Camel» и «Marlboro». Алексея на эти вечеринки не приглашали. Алексей делал вид, что его это мало волнует. Он с головой погрузился в учебу и в бокс. Бокс очень помогал. Отрабатывая технику на боксерской груше или встречаясь на ринге с противником, Алексей часто представлял себе на месте спортивного снаряда или соперника своих чванливых одноклассников, он с удовольствием начистил бы рожи и им самим, но что это изменит? Конечно, были в классе и другие ребята, не вошедшие в клуб избранных, но Алексей почему-то считал общение с ними ниже собственного достоинства.

А тем временем семья все глубже увязала в трясине бедности. Маму в ее оборонном НИИ отправили в бессрочный неоплачиваемый отпуск — и она нигде не могла найти себе работу по специальности, чтобы в семье не стало на одного иждивенца больше, ей пришлось за копейки мыть подъезды в собственном доме — и Алексею было за нее ужасно стыдно. Отец продолжал работать начальником цеха и, приходя домой, с возмущением рассказывал, какое безнаказанное воровство расцвело на заводе и вокруг него. Сам он, как мог, старался бороться с любителями больших нечестных денег, но новоявленные коммерсанты быстро поняли, что с Михаилом Павловичем бессмысленно иметь дело, и все «черные» схемы построили мимо него. Кузовной цех продолжал исправно выполнять план, а о том, что происходило с кузовами за воротами цеха, честный начальник мог только догадываться. Вот так и жила семья Федоровых на одну отцовскую зарплату плюс мизерные мамины подработки, денег катастрофически не хватало, к тому же они обесценивались из-за неудержимой инфляции. Чтобы хоть как-то помочь семье, Алексей стал подрабатывать дворником и разносчиком почты. Каждый день он вставал в пять часов, подметал двор, потом бежал на ближайшее почтовое отделение, фальцевал утренние газеты и разносил их по микрорайону. Только после этого он завтракал, брал сложенную с вечера сумку и отправлялся в школу.

Особенно ярко Алексей почувствовал новый статус своей семьи, а значит, и свой собственный на выпускном школьном бале. С этим событием Алексей связывал очень многое. Последние девять месяцев он откладывал все свои заработки, покупал доллары, чтобы отложенные деньги не обесценились, и мечтал купить новый костюм, рубашку, галстук и туфли. Ему казалось, что это будет своеобразный реванш за унижения последних лет. Он смог купить на вещевом рынке, раскинувшемся на месте городского стадиона, достаточно модно смотревшийся костюм, туфли фирмы «Саламандра», новую рубашку и неплохой галстук, но когда он пришел на выпускной вечер, то сразу увидел разницу между своей одеждой, на которую он так долго копил, и шикарными нарядами одноклассников. Это была не просто разница, это была непреодолимая пропасть, которая ощущалась во всем: в стиле, покрое, качестве и еще в чем-то неуловимом, что было невозможно выразить словами, но что предстало перед сторонним наблюдателем с очевидностью, не требующей доказательств.

Он видел, как взгляды девушек скользили мимо него, как бы совсем его не замечая, и останавливались на его самоуверенных одноклассниках. Он приглашал на медленные танцы девочек, которые ему нравились, но некоторые из них мило отклоняли приглашение, а те, что соглашались, танцевали с ним как-то рассеянно, как будто были где-то далеко. Короче, реванш не состоялся. Вместо сатисфакции Алексей получил новое унижение. Он даже не стал дожидаться окончания вечера и, когда другие выпускники пошли встречать рассвет на крутой берег Волги, отправился домой.

Он шел по рассветным улицам родного города, смотрел на просыпающиеся дома и редких прохожих невидящими глазами и клялся себе страшной клятвой, что никогда-никогда не будет жить в нищете — уж лучше смерть!

ГЛАВА 7

Все эти картины далекого и не очень прошлого пронесли в голове Алексея за несколько минут между звонком брата и началом совещания с топ-менеджерами.

Совещание на некоторое время погрузило его в привычный рабочий ритм, но как только оно закончилось, мысли опять вернулись к отцу. Он все еще надеялся, что Егор преувеличивает опасность и отец не так уж плох. Он набрал телефон матери. Мама взяла трубку немедленно, даже один гудок не дотянул до своего конца — она явно ждала звонка сына, и это его еще больше встревожило.

— Мама, ты мне звонила? — осторожно спросил Алексей, стараясь не думать о самом худшем, чтобы не притягивать беду, но беда была уже вокруг и внутри — он понял это по голосу матери, слишком ровному и слишком спокойному:

— Да, сынок, я звонила. Сегодня был врач. Он сказал, надо готовиться к худшему.

— Сколько осталось?

— Точно никто не знает, но в лучшем случае речь идет о нескольких днях.

— Понятно. Держись, мама, я постараюсь приехать как можно быстрее, может быть, сегодня вечером или завтра утром.

— Хорошо, сынок, приезжай. Егор тоже собирается.

— Знаю. Я с ним говорил сегодня.

— Вот и замечательно, приезжайте, детки — отец будет очень рад, — в голосе матери прозвучала робкая надежда на примирение сыновей, которые бог весть почему рассорились между собой.

Закончив разговор с матерью, Алексей немедленно позвонил Илье Федоровичу. Его номер был одним из десятка номеров, которые напрямую выходили на мобильный Головина, звонок с любого другого номера автоматически переводился на помощника. Алексей редко пользовался своей привилегией, потому что боссу нельзя было позвонить по пустяковой причине — это означало бы немедленную и пожизненную дисквалификацию, это мог быть только очень срочный и очень важный для бизнеса звонок. Сейчас был именно такой случай: Алексею на несколько дней предстояло выпасть из громадной и сложной машины головинского бизнеса в очень ответственный момент, когда решалась судьба «Амалии». Слишком долго названивать тоже запрещалось: босс был постоянно занят, и если он не отвечал, это могло означать только одно — что вопрос, который решается им в данную минуту, гораздо важнее любых неожиданностей, о которых могут сообщить люди ближнего круга. Алексей напряженно отсчитывал положенные восемь гудков, потому что следующий раз он мог позвонить не раньше чем через час. Но ему повезло — после восьмого гудка Илья Федорович все-таки ответил. По тону его голоса никогда нельзя было понять, занят он или нет, раздражен или доволен, голос Головина был неизменно спокоен и тих, в нем звучала даже какая-то мягкость, которая, впрочем, не могла обмануть людей, знавших его хорошо.

— Слушаю, — сказала трубка спокойно и бесстрастно.

— Здравствуйте, Илья Федорович, я срочно еду в Средневожск.

— Что случилось, Леша?

— Нужно проститься с отцом. Вопрос двух-трех дней, максимум недели.

— Сочувствую, — скорбно вздохнула трубка.

— На подготовке к совету директоров это никак не отразится.

— Перестань ты, — прервала его трубка, — какая ерунда. Поезжай к отцу и ни о чем не думай. Семья — это святое, а бизнес подождет.

Алексей отлично понимал, что последняя фраза босса означала ровно обратное тому, что было сказано: семья семьей, а бизнес не терпит слабости и излишней сен-

тиментальности — вот что на самом деле говорил ему босс, но карт-бланш на краткосрочный незапланированный отпуск он все-таки получил.

Все остальное было делом техники: Алексей поручил помощнице заказать билет до Средневожска, отменил все запланированные на ближайшие дни встречи и совещания и назначил временно исполняющего обязанности генерального на время своего отсутствия. Покончив с делами, Алексей вызвал машину и отправился домой собирать-ся в дорогу.

Жил он недалеко, в элитном доме с окнами на Филевский парк. Супруге он позвонил уже из машины. Она долго не отвечала, но наконец взяла трубку и заговорила тихо и нарочито торопливо:

— Что-то срочное, котик? Говори быстрее, а то я сейчас в салоне, мне неудобно разговаривать.

— Привет! Звоню предупредить: сейчас я заеду домой, соберусь и лечу в Средневожск.

— Почему такая спешка?

— Отец совсем плох, наверное, скоро умрет.

— Ой, котик, я бы поехала с тобой, но это так неожиданно, у меня столько запланировано всего!

— Ничего страшного, я один летаю, маме как-нибудь объясню, не волнуйся, занимайся своими делами.

— Мне правда очень-очень жаль. Я тут постараюсь все разгрести, позвони мне, когда будет ясность, на похороны я постараюсь приехать.

— Хорошо, я позвоню. Пока!

Разговор с женой оставил неприятный осадок. Вроде бы все, что она сказала, выглядело абсолютно правильным и соответствующим ситуации, но почему-то ему казалось, что она должна была отреагировать как-то по-другому: поддержать, что ли, посочувствовать, бросить на время все свои дела и примчаться домой, может быть, даже поехать с ним сегодня вечером в Средневожск? И потом, это дурацкое «котик», когда при смерти отец... Он не мог точно сформулировать, чего именно он хотел от жены в эту минуту.

Они были вместе уже двадцать лет. За такой срок люди часто срастаются и становятся одним целым, не могут представить себе жизнь друг без друга, а иногда, напротив, смертельно друг другу надоедают и используют любую возможность, чтобы выскользнуть из опостылевшей семейной тюрьмы. Чаше же у них просто возникает привычка к совместному проживанию — жизнь приобретает четкие и понятные формы, в которых легко и удобно коротать время, не занятое работой или сном, ведь надо же чем-то наполнять выходные и отпуска, куда-то возвращаться вечером и откуда-то уходить по утрам — для этого ничего удобнее домашнего очага за тысячи лет своего существования человечество не смогло придумать. Именно такой домашний очаг и сложился у Алексея с Мариной. Они привыкли друг к другу, притерлись, как притираются друг к другу камушки на морском берегу. Долгие годы смысл их браку придавало воспитание сына, и порой даже казалось, что их объединяет нечто большее, чем банальная привычка жить вместе, наверное, так оно и было. Но вот сын вырос и учится теперь в Англии, и перед родителями с беспощадной очевидностью открылась истинная подоплека их совместного проживания — многолетняя привычка.

С первых дней знакомства между ними не было большой и сильной любви. Они познакомились в элитном клубе, где Алексей подрабатывал по ночам вышибалой, а Марина часто бывала с компанией «золотой молодежи». Марине приглянулся статный молодой охранник с мужественным лицом и мускулистым телом. Алексею в свою очередь понравилась бойкая симпатичная девушка, всегда модно и стильно одетая, кото-

рая проявляет к тому же повышенный к нему интерес. Сначала между ними возникло что-то вроде веселой игры, в которой он играл роль влюбленного рыцаря, а она — дамы его сердца. Но расспросив знакомых о девушке и ее семье, Алексей понял, что, возможно, судьба подбрасывает ему шанс, которым он просто обязан воспользоваться, если действительно хочет вырваться из бедности, и он приложил все усилия, чтобы довести их легкий и волнующий роман до Дворца бракосочетания.

Марина не была простушкой. К двадцати пяти годам она уже насмотрелась на молодых людей своего круга, и они ее категорически не устраивали: они были слишком ветрены, слишком избалованы, слишком изнежены комфортом. В Алексее же она чувствовала силу и надежность. В этом молодом, бедном, но талантливом и амбициозном программисте она рассмотрела недюжинный потенциал, оценила его и даже по-своему полюбила. Таким образом, с самого начала в их отношениях была изрядная доля бизнес-проекта, который, как показала жизнь, оказался весьма успешным для обоих.

ГЛАВА 8

Наша механистическая цивилизация давно стремится сделать всех людей эффективными работниками и потребителями, покладистыми избирателями и послушными исполнителями воли власть имущих, в последнее время это особенно хорошо удается благодаря развитию СМИ, маркетинга и банковского кредита, но самое главное — сегодня хозяева мира получили в свои руки беспрецедентное по силе воздействия средство контроля и влияние на каждый человеческий ум — цифровые технологии.

Усилиями миллионов программистов, работающих на правительства и корпорации, создается новая реальность, в которой человек запутывается, как муха в паутине, и чем больше он рвется на волю, тем больше увязает в тонких нейронных сетях искусственного интеллекта, который все о нем знает, все помнит и держит в поле зрения одновременно миллионы людей, формируя их сознание через выдачу информации в поисковиках и индивидуально подобранную рекламу.

Миллионы лояльных системе программистов — это бойцы невидимого фронта в войне за человеческие души, каждый из них решает свою узкую задачу и не может нести ответственности за окончательный результат, но есть среди них и командиры, которые понимают смысл полученного заказа и совершенно сознательно его отработывают. К таким командирам относился и Алексей. Еще учась в университете, он понял, что разные модные социологические и политические теории о структуре современного общества — не больше чем хитрый обман, призванный запутать истинное положение вещей, а правда состоит в том, что современный мир четко разделен на рабов и рабовладельцев. Класс рабовладельцев очень узкий и закрытый, проникнуть в него, если ты в нем не рожден, практически невозможно, но и рабом оставаться совсем не хотелось. Как же быть? Ответ напрашивался сам собой: стать надсмотрщиком за рабами.

Хозяева мира не могут управлять человечеством напрямую. Они нуждаются в многочисленной армии добровольных помощников, которые за солидное вознаграждение делают все от них зависящее, чтобы держать в покорности многомиллионную массу. Алексей сознательно решил встать в их ряды, но в эту касту проникнуть совсем непросто. Многие люди тратят долгие годы, чтобы к закату жизни занять наконец место среди надсмотрщиков, а там уже и пенсия, и они снова оказываются низведенными до состояния рабов. Пример отца был ярким тому доказательством. Алексей не хотел повторять его ошибок. Он жаждал более стремительного роста, и кроме собственных энергии и таланта, ему мог помочь в этом удачный брак.

Отчим Марины занимал должность вице-президента по цифровому развитию бизнеса в головинском холдинге. Благодаря его протекции талантливый программист не потерялся в море таких же талантливых программистов, и это обстоятельство сэкономило Алексею несколько лет жизни. Не будь этой родственной, ненавязчивой, но постоянной и заинтересованной поддержки, Алексей мог проработать десятки лет рядовым программистом, добравшись к концу профессиональной карьеры до кресла начальника отдела или заместителя директора департамента, а мог не добиться даже и этого. Мало ли вокруг талантливых программистов?

Если ты, дорогой читатель, решил, что мой герой сделан из нержавеющей стали, этакий совершенный продукт современного капитализма, качественный товар без малейшего изъяна на рынке труда и семейных отношений, то ты несколько поторопился. Все-таки Алексей не киборг, а человек, и, как всякому человеку, ему свойственны и слабости, и внезапные порывы, и выход временами за пределы очерченного жесткими правилами и законами существования.

Такой выход за пределы привычного круга случился с ним примерно на третьем году знакомства с Мариной, когда они уже жили вместе в ее квартире на Кутузовском проспекте, но не были еще женаты. Ему только что исполнилось двадцать шесть, и он год как работал в одной из компаний холдинга благодаря протекции Александра Даниловича — отчима Марины.

С точки зрения стороннего наблюдателя, у Алексея все складывалось просто замечательно, но он вдруг затосковал. Это было так необычно для него, что он сам не мог этому поверить, изо всех сил продолжая изображать из себя энергичного и уверенного в себе человека. Но обмануть можно кого угодно, кроме себя.

Тайком от Марины он стал пить антидепрессанты, но таблетки давали лишь иллюзию спокойствия, которая разрушалась сразу же, как только он пытался с них соскочить. Рождественские каникулы, которые они провели с Мариной в Альпах, катаясь на горных лыжах, не дали ожидаемого облегчения и не вернули его к нормальной жизни. Марина заметила перемену в настроении своего партнера. Как всякая молодая женщина, с головой ушедшая в отношения, она приняла это на свой счет и пыталась развлечь и растормошить его.

Алексей не знал, что с ним происходит, но связывал новое, необычное для него состояние с тем, что он взял в жизни неверное направление. Умом он, конечно, понимал, что все делает правильно — за такую девушку, как Марина, нужно держаться обеими руками, но в глубине души осуждал себя за то, что собирается жениться на девушке, которую не любит по-настоящему. Ему вдруг захотелось все исправить, пока обман не зашел слишком далеко.

Все случилось совершенно неожиданно, как будто его вела неведомая сила. В тот теплый июньский вечер они вернулись домой в двенадцатом часу после очередной модной премьеры, и Марине вдруг захотелось выпить «Маргариты». Алексей сунулся в бар и не обнаружил там текилы.

— Я сейчас спущусь в ночной, — сказал он, — five minutes!

Он вышел на площадку, захлопнул за собой дверь и побежал вниз по лестнице, перескакивая через две ступеньки. Бежать было легко и приятно, еще приятнее было оказаться в вечерней прохладе среди огней и звуков большого города. Витрина ночного магазина радостно светилась золотистым светом, зазывая припозднившихся жильцов и прохожих. Алексей, разогнавшись на лестнице, не пошел, а побежал в сторону этого светящегося маяка, всей грудью вдыхая московский воздух, смешанный с запахами мчащихся по Кутузовскому проспекту автомобилей. Ему вдруг захотелось продолжить стремительное движение, которое доставляло ему такую радость, бежать и бежать куда-то не останавливаясь. Он пробежал мимо магазина и выбежал на Кутузовский, ноги сами понесли его к метро «Киевская». Метро в этот час радовало пусто-

той и гулкостью залов. Светясь на просвет всеми своими окнами, подошел запоздалый поезд, Алексей сел в него, не задумываясь, куда он поедет дальше, и поезд привез его на станцию «Комсомольская».

Марине он позвонил уже из плацкартного вагона за пять минут до отправления.

— Ты куда провалился? — зазвучал в трубке ее встревоженный голос. — Тебя целый час нет. Ночной не работает, что ли?

— Марина, я в поезде. Извини, что сразу не позвонил. Мне нужно съездить домой, в Средневожск.

— Что-то случилось?

— Нет, ничего. Я просто решил повидаться с родителями, с братом, с друзьями.

В трубке повисла тяжелая пауза.

— Алексей, скажи честно: ты меня разлюбил? — вдруг спросила девушка, и Алексею стало ужасно стыдно за свой поступок и за то, что он не может рассказать ей о подлинные причины своего поведения.

— Мариша, не принимай, пожалуйста, это на свой счет, — как можно ласковее сказал он, — решение пришло внезапно. Как озарение. Если честно, я не собирался никуда ехать. Но понимаешь, мне надо немного побыть одному, разобраться в себе.

— А как же твой проект?

— Слушай, поговори с отчимом, объясни ему ситуацию, пусть дадут мне очередной отпуск на месяц. Приеду — все наверстаю. Ну все, извини, поезд тронулся, сейчас связь пропадет. Целую.

Так началось самое главное приключение его жизни.

ГЛАВА 9

Алексей до сих пор в деталях помнил то свое спонтанное путешествие. Помнил темноту и запах плацкартного вагона, голые ноги, торчащие из-под несвежих синих одеял с черными полосками, храп мужика в соседнем купе, плач проснувшегося среди ночи ребенка. В вагоне было душно, хотя несколько окон было открыто, и в них временами врывались волны прохладного ночного воздуха, смешанного с запахами мазута и гари. Он лежал на верхней полке и думал о своей жизни. Вроде бы все у него складывалось хорошо: он с отличием окончил университет, работает в солидной фирме, занимается интересным делом, его любит симпатичная девушка из хорошей семьи, и они собираются пожениться, но ему было не по себе от чего-то, что он не мог даже толком сформулировать. В глубине души он чувствовал, что не любит по-настоящему Марину, но боится сам себе в этом признаться — слишком велик соблазн породниться с семьей, которая откроет ему двери, закрытые для многих других в его положении. Это тайное, невысказанное чувство отравляло ему существование. Хотелось побыть одному, подышать воздухом родины, поговорить с родными и знакомыми — может быть, тогда его мысли придут в порядок, и он перестанет мучиться смутными переживаниями?

С вокзала он сразу поехал к брату.

Егор учился тогда на последнем курсе политехнического. Уже пару лет он дружил с девушкой, и они вместе снимали трехкомнатную квартиру у ее родственников. Родственники платы не брали, потому что все равно уехали на три года по контракту в Африку и были признательны жильцам за то, что те поливают цветы, кормят рыбок, пугая Кешу и кошку Анфису, а также вовремя оплачивают коммунальные счета.

Младший брат давно звал Алексея погостить у него — квартира была большая и хорошо спланированная: просторный холл, вместительная кухня, изолированные комнаты, для троих человек места было более чем достаточно, чтобы не мешать друг дру-

гу. Алексей все обещал, но не ехал, потому что было много работы, а свободное время поглощали отношения с Мариной и суматошная светская жизнь, которую он вел в Москве со своей избранницей. И вот случай наконец подвернулся.

Алексей нажал прямоугольную кнопку на стене, внутри двумя мелодичными нотами отозвался звонок, но никакого движения не последовало, слышно было лишь, как где-то глубоко в недрах квартиры работает телевизор. К двери долго никто не подходил. «Странно, — подумал Алексей, — Егор говорил, что они будут меня ждать». Он уже полез за мобильником, чтобы перезвонить брату, но предварительно решил попытаться счастья еще раз. После второго звонка в квартире послышались чьи-то мягкие шаги, и дверь открыла незнакомая девушка. Первое, что он увидел, — ее глаза. Он никогда прежде не видел таких глаз. Есть старая, набившая оскомину, банальная фраза «Глаза — зеркало души», так вот — глаза, которые увидел Алексей перед собой, не были зеркалом — они были самой душой. Они смотрели тепло и заинтересованно, в них светилась тихая радость жизни.

— Ты Алексей? — весело полуспросила-полуответила девушка и улыбнулась.

Улыбка добила Алексея окончательно. Он почувствовал, что пропал. Впоследствии он тысячи раз прокручивал в своей памяти это мгновение. Он помнил все детали до мельчайших подробностей: солнечные блики на стене подъезда, звук работающего телевизора из квартиры, легкий домашний халатик из синего атласного материала с большими желтыми цветами, который был надет на Свете в тот день. Помнил он и то чувство, которое мгновенно захлестнуло его к этой невысокой полноватой девушке, в которой не было ничего особенного, кроме удивительно живых и выразительных глаз да еще улыбки, которая мгновенно преображала ее вполне заурядное лицо, делая его невыразимо прекрасным.

Видимо, на минуту он потерял дар речи, потому что девушка засмеялась и сама за него ответила:

— Ты — Алексей!

Затем она решительно взяла его за руку и буквально втащила в квартиру. От прикосновения ее теплой мягкой руки по телу Алексея пробежала волна мелкой дрожи, похожая на рябь, какая пробегает по поверхности пруда от свежего вечернего ветерка, и эта легкая рябь была сладкой и мучительной одновременно.

— Егор говорил, что ты приедешь, — между тем продолжала девушка, — будем знакомы, меня зовут Света!

— Очень приятно, — ответил Алексей и почувствовал, что язык у него пересох и еле ворочается во рту.

Света! Лучше нельзя было назвать эту девушку, она вся светилась: лучились ее большие светло-серые глаза, матово переливалась теплая кожа, прозрачно мерцали светлые волосы, пронизанные лучами льющегося из открытой кухонной двери солнечного сияния.

Он тысячи раз слышал, что бывает любовь с первого взгляда, но считал это выдумками романистов и поэтов. Сам он не верил в эти бредни и даже посмеивался в душе над подобными рассказами, и вот, надо же — попал! Боги любят смеяться над слишком самоуверенными людьми.

С тех пор минуло почти два десятилетия. Жизнь изменилась до неузнаваемости. Изменился и сам Алексей. Сейчас он приехал в родной город не в плацкартном вагоне, а в купе СВ, причем выкупленном им целиком, чтобы хорошо выспаться. На привокзальной площади он взял такси и, назвав адрес, снова погрузился в охватившие его воспоминания. Долгие годы он гнал от себя воспоминания того памятного лета, но вот сегодня они нахлынули на него паводковой волной, и он впервые почему-то дал им полную волю. «Наверное, старею, — подумал он про себя, — становлюсь сентиментальным!»

Таксист между тем затормозил и припарковался к тротуару.

— Приехали! — сказал он.

— Куда приехали? — удивился Алексей, глядя из окна на подъезд панельного дома застройки восьмидесятых годов прошлого века.

— Куда просили, туда и приехали, — спокойно ответил таксист.

Только сейчас Алексей понял, что по ошибке назвал не тот адрес. Видимо, его голова настолько была занята событиями прошлого, что он потерялся в настоящем и не заметил, как вместо адреса родителей назвал тот самый злополучный адрес, где давным-давно, в прошлой, навсегда ушедшей жизни он встретился со Светланой.

Дом как будто постарел и осунулся с тех пор, вместо обычной деревянной двери теперь вход в подъезд преграждала металлическая дверь с кодовым замком, рядом красовалось пошловатое граффити.

— Простите, я ошибся, — пробормотал Алексей, страшно смутившись, — мне надо на улицу Ленина.

— Ну так это же другой конец города!

— Ничего, я все оплачу.

— Хозяин — барин! — весело откликнулся таксист и повез Алексея через весь город в квартиру его родителей.

Нелепый случай вернул Алексея из мира воспоминаний к реальности. Он стал внимательно следить за дорогой и рассматривать городские виды, открывающиеся по сторонам.

За последние годы город сильно изменился. Торговый бум нулевых годов докатился наконец и до провинции: повсюду торчали нелепые кубы торгово-развлекательных центров, красочные билборды на все лады расхваливали достоинства вредной еды, чудодейственных лекарств и захватывающих путешествий, обещая пальмовый рай где-то на неведомых кокосовых островах. Город, который Алексей так любил когда-то, скрылся за рекламными щитами и сверкающими витринами.

ГЛАВА 10

— Здравствуй, сынок! Проходи, — сказала мать, встретив Алексея в дверях.

Алексей не мог не заметить разительной перемены в ее внешности. Он всегда невольно гордился тем, как хорошо выглядела его мама: ей никогда нельзя было дать ее лет: в пятьдесят она выглядела на сорок, в шестьдесят на пятьдесят, но сегодня он просто не узнал ее. Видимо, тяжелая болезнь Михаила Павловича непоправимо подорвала и ее здоровье. Теперь перед ним была седая, сморщенная старушка с пигментными пятнами на коже и потухшими выцветшими глазами. Ни следа былой жизнерадостности и уверенности в себе не читалось на ее утомленном, посеревшем от бессонных ночей лице. Она крепко обняла сына и расцеловала в глаза, щеки, губы. Алексей обнял мать в ответ и почувствовал, какое у нее стало хрупкое старушечье тело.

— Как ты давно не приезжал! — причитала мать, продолжая покрывать его лицо поцелуями. Сказано это было без горечи и без упрёка, а, скорее, с радостью за то, что сын наконец приехал.

В квартире пахло лекарствами и еще чем-то тяжелым и смрадным, что показалось Алексею запахом самой смерти.

На кухне сидели две незнакомые женщины и пили чай. Алексей сразу понял, что это медсестра и сиделка, которых наняла мать для ухода за отцом на те деньги, что он присылал ей ежемесячно.

Квартира встретила Алексея привычным материнским уютом, каким встречала его с детской поры. Конечно, за прошедшие годы в ней случилось несколько ремонтов, новым кафелем и сантехникой похвалялись туалет и ванная, к семидесятилетне-

му юбилею Алексей подарил маме новый кухонный гарнитур с современной бытовой техникой, но большая комната, куда он прошел из прихожей, как будто бы выпала из стремительного потока времени. Правда, телевизор в ней был уже не громадным с лакированными панелями под дерево и с выпуклым экраном, как в детстве, а черным и плоским, но в остальном все сохранилось в неприкосновенности: ковры и фотографии на стенах, люстра богемского стекла на потолке, торшер под синим абажуром с бахромой у кресла, старый диван, продавленный в нескольких местах и накрытый цветным покрывалом, скрывающим засаленность и потертости обивки; мебельная стенка, такая популярная в восьмидесятые годы; палас на полу и круглый раздвижной стол в углу с тремя задвинутыми под него стульями.

Когда-то эта комната казалась Алексею просто гигантской. Сколько километров накрутили они с братом вокруг круглого стола, гоняясь друг за другом! Тогда стол еще не прятался в углу, а гордо располагался в самом центре комнаты под люстрой и служил местом вечерних сборов для всей семьи. Сколько пружин повредили они в диване, прыгая и возясь на нем! А какие секреты скрывали потайные места стенки, в которые можно было спрятать что угодно да еще и спрятаться самому! Сейчас комната казалась маленькой и тесной, как будто уменьшилась в размерах за последние сорок лет.

Они сели с матерью на диван. Алексей взял ее руку в свои и озабоченно спросил:

— Как папа?

В маминых глазах блеснули слезы:

— Сейчас он почти все время спит, а когда просыпается, практически никого не узнает. Третий день ничего не ест и не пьет. Доктор говорит, что конец совсем близко.

— Могу я на него посмотреть?

— Конечно. Пойдем.

Они вышли из зала и через прихожую направились в узкий темный коридор, где на стене до сих пор висел еще его спортивный велосипед, доставшийся затем в наследство Егору. По пути Алексей не мог удержаться от соблазна, чтобы не открыть дверь комнаты, которую много лет они делили с братом на двоих. После Егорова отъезда в комнате поселилась мама, но за два десятилетия она ничего в комнате не меняла. Исчезла только одна из узких кроватей, но вторая стояла на своем законном месте, и Алексею показалось, что даже накрыта она была тем же самым покрывалом. У окна комнаты, как и в их детстве, по-прежнему стоял большой письменный стол, за которым они с Егором умудрялись вдвоем учить уроки, на столе радостно оранжевела все та же настольная лампа с маленьким абажуром и изящно изогнутой ножкой, у стены возвышался книжный шкаф с их детскими и юношескими книгами. «Время здесь остановилось, — невольно подумалось Алексею, — это зона остановившегося времени».

Еще несколько шагов — и они у двери отцовой комнаты. Алексей робко толкнул дверь. Запах лекарств и несвежего человеческого тела ударил в нос с такой силой, что невольно захотелось задержать дыхание, что он и сделал, и только через минуту осторожно снова вдохнул, стараясь не пускать удушливый воздух слишком глубоко в легкие.

Комнатка была совсем маленькой: письменный стол у окна, кровать вдоль стены, тумбочка у изголовья — вот, собственно, и вся ее обстановка. На тумбочке — пузырьки, ампулы, шприцы. Отец лежал на высокой подушке лицом к двери. Приглушенный свет из занавешенного окна очерчивал его заострившийся нос, ввалившиеся глазницы, обтянутые желтой кожей скулы, сомкнутую щель рта, лишённого губ. Веки были закрыты. Он спал и тяжело дышал во сне. Крупные капли пота выступили на лбу, щеках и даже носу спящего.

Алексей с трудом узнал своего отца — казалось, это был совсем другой, чужой ему человек. Лишь приглядевшись, он различил едва уловимые черты прежнего Михаи-

ла Павловича, почти стертые болезнью. Он осторожно, чтобы не разбудить больного, притворил дверь, и они вместе с матерью направились обратно в большую комнату.

Вид умирающего, отдаленно напоминающего отца человека, шаркающая фигура так стремительно постаревшей матери впереди, неясные голоса посторонних женщин и позвякивание посуды, доносящиеся из кухни, — все это создавало ощущение тяжелого болезненного сна. Чувство нереальности происходящего усиливалось выпавшими из времени интерьерами квартиры и различными предметами, дошедшими до наших дней из далекого детства, которые то и дело попадались на глаза. Алексею иногда снились такие сны, в которых он оказывался в знакомых и хорошо известных ему местах, но там встречал каких-то незнакомцев и втягивался ими в водоворот странных и фантастических событий. Невольно подумалось: «Может быть, и это все сон? Вот сейчас ущипну себя и проснусь!» Но сон не развеивался.

Они снова присели на диван. Женщины на кухне, видимо, закончили чаепитие, и одна из них собралась уходить. Мама вышла проводить ее в прихожую. Они тихо что-то обсуждали между собой, до Алексея доносились только обрывки фраз, смысл которых он не мог точно понять. Судя по всему, речь шла о состоянии больного. Он чувствовал себя странно чужим и ненужным в этой квартире. Неужели тот умирающий человек в дальней комнате — его отец? А эта старая, иссохшая, седая женщина — его мать, та единственная и самая любимая на всем свете женщина, от одного вида которой в далеком детстве его охватывало чувство любви, никогда и ни к кому больше не испытанное? Алексею не хотелось в это верить.

ГЛАВА 11

Мама! Когда-то это слово было самым важным в его жизни. Отцом он гордился, а маму просто любил. Любил до самозабвения, до слез, до потери дыхания.

В детстве он обожал выходные, потому что мама не уходила на работу, и его не отвозили в детский сад. Ему нравилось, проснувшись, лежать под одеялом и слушать, как на кухне шумит вода, шкварчит масло на сковородке и по квартире разносятся соблазнительные запахи — это мама готовит завтрак. Он выбирался из-под одеяла и топал босыми ногами по ворсу ковровых дорожек и холодному линолеуму на кухню. В открытой двери он видел мамину полноватую фигуру в домашнем платье и переднике, любовался ее круглыми мягкими руками, которые так споро раскатывали тесто и лепили маленькие пузатые пирожки, а потом клали их на сковородку и через несколько минут выкладывали в большую фаянсовую тарелку. Пахло тестом, раскаленным маслом, и слаще этих запахов не было ничего на свете. Это пахли не пирожки, так пахла сама радость жизни!

Мама замечала его боковым зрением и, не переставая возиться с пирожками, поворачивалась к нему. Он знал и любил каждую клеточку ее милого, доброго лица: ее глаза цвета спелой вишни, ее губы, чуть приподнятые в уголках, ее прямой нос с небольшой горбинкой и широкими крыльями ноздрей, чуть заметный пушок на ее верхней губе, родинку на правой щеке — всем этим он готов был любоваться часами. Ему казалось тогда, что мама никогда не постареет и никогда не умрет. Он умрет, а мама нет.

Но в какой-то момент это всеобъемлющее и всепоглощающее чувство к матери вдруг исчезло. Он даже не заметил, как это произошло. Просто однажды утром он проснулся и не почувствовал привычной радости от самого факта присутствия мамы дома. Более того, ему стало больше нравиться, когда родителей дома нет: тогда домой можно было приводить веселые компании мальчишек, а потом и смазливых девчонок. Ра-

зумеется, любовь и уважение к матери сохранились, но потеряли переполняющую все его существо остроту.

Чем дальше катилась жизнь, тем меньше он думал о матери. Конечно, он жалел ее, старался помочь, чем может, но в этом новом взрослом отношении не было и тысячной доли того океана чувств, который переполнял его в детстве.

Сейчас, глядя на пожилую, покрытую сеткой морщин и кляксами пигментных пятен женщину с заострившимся носом, высохшими губами и потускневшими глазами, он с трудом узнавал в ней свою мать. Могучее корневое чувство, когда-то привязывавшее его к этой женщине, теперь лишь слабо напоминало о себе тихой ровной теплотой, разливавшейся где-то глубоко в груди, да еще острой жалостью.

— Как хорошо, что ты приехал, сынок, — говорила мама, и ее глаза при этом увлажнялись, — отец постоянно вспоминает о тебе, когда в сознании, да и не в очень ясном сознании тоже: то ему кажется, что ты слишком задерживаешься в школе, то, что долго не возвращаешься с соревнований.

— А Егор приехал? — переменял тему Алексей.

— Пока нет, но он тоже обещал быть, — ответила мать, потом помолчала минутку, как бы соображая, стоит ли поднимать волнуемую ее тему, и наконец выговорила давно наболевшее: — Я все хотела спросить тебя: что произошло между вами? Почему вы совсем не общаетесь и даже стараетесь одновременно домой не приезжать? Так не должно быть между братьями. Роднее друг друга у вас никого нет. Мы с отцом умрем — вы останетесь одни на свете.

— Дела давно минувших дней, — печально откликнулся Алексей на вопрос матери, — Егор что-нибудь рассказывал тебе?

— Он тоже молчит. Оба вы как два партизана на допросе. И что вам нормально не живется?

— Ну, раз Егор молчит, я тоже не имею права ничего рассказывать. Может быть, в этот раз мы помиримся, вот тогда все тебе и расскажем.

— Дай-то бог, — горько вздохнула мать.

Ей было невыразимо обидно, что ее дети выросли такими недружными. В давнишних мечтах, будучи молодой и полной сил, она видела сыновей другими: она думала, что они женятся на хороших девушках, будут жить где-то неподалеку, родят ей внуков и внучек, будут наезжать на все праздники и дни рождения. В воображении она видела, как они рассаживаются за раздвинутым круглым столом всей большой дружной семьей, весело разговаривают, обмениваются новостями, поют застольные песни, как когда-то певали ее родители, а вокруг носится и весело гомонит орава непоседливых внуков — человек шесть, не меньше.

Увы, этим чудным мечтам так и не суждено было сбыться. У Алексея жизнь сложилась еще неплохо. Правда, живет он не в Средневожске, а в Москве и слишком редко заезжает в гости, и жену его она видела раз пять за жизнь, не больше, и внука Митеньку больше знала по фотографиям, но все это еще ничего по сравнению с пропащей и никудышной жизнью ее любимого Егорушки.

Начиналось все вроде бы хорошо. Егор поступил в политехнический, познакомился с девушкой, они полюбили друг друга и даже стали жить вместе, но прямо перед выпуском из университета между ними что-то произошло. Свадьба так и не состоялась. Получив диплом, Егор уехал в Петербург, устроился радиоинженером на торговый флот и колесил потом по морям и океанам целых пятнадцать лет! Во время своих океанских странствий он почти не навещался к родителям, лишь изредка звонил и присылал открытки к праздникам и дням рождения часто с марками невиданных стран: Конго, Австралии, Аргентины... В Питере, между океанскими рейсами, он безуспешно попытался устроить личную жизнь, нашел какую-то женщину с ребенком, даже за-

езжал с ней и ее девочкой в гости, но семья, судя по всему, так и не склеилась. Последние годы он и с флота ушел, и от жены, а у родителей вообще перестал появляться, отделяясь редкими звонками. На все вопросы матери, как дела, он неизменно отвечал: «Лучше всех!», но в подробности своей жизни не посвящал.

— У меня все сердце изболелось за Егора, — причитала мать, — ты-то хоть знаешь, как он сейчас? Где работает? С кем живет?

— Нет, мама, ничего не знаю, мы не общаемся.

— И что с ним такое произошло? В чем мы перед ним провинились? — мать озвучивала сейчас вопросы, которые мучили ее все последние годы, и беспомощно смотрела на Алексея, как бы прося у него помощи. Алексею тяжело было переносить ее взгляд, потому что он знал ответ, но как он мог рассказать об этом матери?

ГЛАВА 12

Егор приехал на том же поезде, что и Алексей, только в плацкартном вагоне, и домой добирался не на такси, а на трамвае.

Трамвай шел не торопясь, постукивая железными колесами на стыках рельсов. В этот час в салоне было мало народу, и Егор смог даже занять красное пластмассовое кресло у окна. В каждый свой приезд в родной город он не переставал удивляться поразительной неподвластности трамвайного транспорта веяниям времени. «Надо же, сто лет прошло с моего детства, а кресла остаются точно такими же!» — невольно подумал он и стал всматриваться в пробегающие мимо городские виды.

Сколько же он не был в родном городе? Последний раз он приезжал ненадолго, когда ушел с флота, и с тех пор — ни разу! Вообще, уехав в Питер, в Средневожск он навещался крайне редко и всегда короткими наскоками. За такую уйму лет воспоминания о детских и юношеских годах, проведенных в этом городе, основательно стерлись, но всякий раз, приезжая в Средневожск даже на один день, он с удивлением отмечал, что, несмотря на годы разлуки, город все время живет в нем. Топография родного города запечатлелась в его мозгу до мельчайших подробностей. Вот показались в просвете между домами ворота городского парка, в котором он провел столько счастливых вечеров своей юности, вот промелькнул угол двухэтажного желто-оранжевого здания — роддом, где он появился на свет, а вон там, за теми домами — его школа. Работают ли в ней еще его учителя? Или все уже давно на пенсии? Те, что были помоложе, наверное, еще работают. Но какие старые они, наверное, теперь! А его одноклассники? Где-то они сейчас? Куда разбросал их ветер истории? Наверное, столкнувшись с ними случайно в суতোлке городских улиц, он просто их не узнает.

А вот и родная остановка! Все еще нависает над ней старый тополь. Он и в детстве казался Егору древним, но вот уже сколько лет прошло с тех пор, а он все стоит на своем законном месте, такой же широкий и могучий, шелестит серебряной листвой, пускает по воздуху белые парусники своих бесчисленных пушинок. Под ним, как и прежде, притулился киоск, который раньше назывался «Союзпечать». Теперь на нем красуется надпись «Пресса. Газеты. Журналы». За много лет конструкция киоска несколько раз менялась, во всяком случае, это точно не тот киоск, в котором маленький Егорка любил рассматривать обложки глянцевого журналов, но странно — в каждый приезд ему казалось, что в киоске работает все та же киоскерша из его детства — старая сгорбленная еврейка с крючковатым носом и ярко выкрашенными в черный цвет жесткими мелкозавитыми волосами.

Перейдя трамвайные пути, Егор по тихой улочке, усаженной старыми, пушашими тополями, неторопливо направился к своему дому.

Здесь, в квадратных дворах типовых панельных пяти- и девятиэтажек, время как будто остановилось. Менялись горки и качели детских площадок, разрастались и мужали деревья, бывшие в его детстве еще тонкими и невысокими, но стены, подъезды, окна оставались, казалось, все теми же. И по-прежнему на одной из девятиэтажек встречала его знакомая надпись: «Я люблю тебя, Люся» — неровными огромными буквами синей водостойкой эмалью. За двадцать лет надпись немного поблекла, но все еще напоминала о прекрасной любви незнакомого парня и незнакомой девушки Люси. Интересно, живы ли они сейчас? Вместе ли они? Есть ли у них дети? Внуки? Или их любовь разбилась о подводные рифы океана под названием Жизнь? Кто знает!

Вот и знакомый подъезд. Сердце невольно замирает и екает в груди. Дверь, как теперь это принято, закрыта на кодовый замок. Егор на миг замирает в растерянности, но тут кто-то толкает дверь подъезда изнутри, он придерживает стальное полотно, пропуская мимо себя молодую мамочку с решительно вышагивающим карапузом лет четырех рядом, — и перед ним открывается вход в темное и прохладное нутро подъезда, пахнущее плесенью и грибами. Так пахло здесь и в годы его юности, запах, ярче чем зрительные образы, возвращает его в ту далекую эпоху, когда он выбегал из этого подъезда во двор навстречу новым приключениям или направлялся в школу, а позднее в университет.

Ступеньку за ступенькой Егор преодолел шесть пролетов бетонной лестницы с железными перилами, выкрашенными в ядовито-зеленый цвет с пластиковой обшивкой на верхней панели. Когда-то он лихо съезжал по этим перилам, преодолевая все шесть пролетов за пятнадцать секунд. Куда умчались те золотые годы? Сейчас он чувствовал себя неимоверно старым, просто древним человеком, чудом очутившимся в стране своего детства.

Дверь своей квартиры он не узнал. Раньше на этом месте стояла обычная деревянная дверь, обитая дерматином, в девяностые, когда все вдруг начали прятаться друг от друга, родители поставили снаружи еще одну дверь — уродливый стальной лист, покрашенный грязно-коричневой краской с глазком посередине, теперь же вход в квартиру перекрывала вполне приличная, сделанная под дерево, но тем не менее железная дверь, на которой красовался лейбл изготовившей ее фирмы.

Как и Алексей, Егор с трудом узнал мать, так резко сдавшую за последние годы, но в отличие от брата он почувствовал еще большую любовь к ней и стыд за то, что он такой никчемный сын. «Все, пора перебираться на родину, — подумал он, — хватит, наматался по свету». Он нежно обнял мать и почувствовал, как из глаз покатались невольные слезы. Он быстренько смахнул их предплечьем, пока не заметила мама, и уже радостно сказал:

— Ну вот, мама, я и вернулся!

В проеме двери была видна часть большой комнаты с круглым столом и краем дивана. На диване сидел крепкий мужчина средних лет с коротким бобриком светлых волос, в добротном летнем костюме и смотрел на него пристальным взглядом темно-серых глаз. В первый момент мужчина показался Егору совсем чужим человеком, может быть, доктором или маминым знакомым, заглянувшим на огонек, но в ту же секунду, как только он подумал так, сквозь облик чужака проступили до боли родные черты старшего брата, и когда фокус сместился, Егор перестал видеть перед собой выхоленного и накачанного в спортзалах мужчину в дорогой одежде и обуви — перед ним снова был Леша, такой, каким он видел его в своей юности: его молодой, веселый, сильный старший брат — брат, который тысячу раз защищал его в уличных разборках, брат, которого он так любил, на которого всегда мечтал быть похожим и с которым он не знал, как теперь заговорить, но слова сорвались с губ сами собой:

— Здорово, брат!

ГЛАВА 13

Когда в прихожей раздался звонок, мать вся встрепенулась, как бы почувствовав что-то.

— Я открою, — сказала она и пошла, почти побежала к двери. Алексей остался сидеть на диване, но с его места сквозь широкий дверной проем большой комнаты входная дверь хорошо просматривалась, и он сразу увидел брата, переступающего порог.

Сколько же лет они не виделись? Алексей снова, уже в который раз, начал подсчитывать в уме пролетевшие с их последней встречи годы — и снова сбился. По подсчетам выходила фантастическая, невероятная цифра — почти двадцать лет, — и верить в эту цифру не хотелось. Это же половина жизни!

Егор был явно выше его, но тоньше в кости. В его фигуре не было братовой осанности и основательности, а в лице спокойствия и уверенности в себе. Они вообще были мало похожи. Еще в годы их счастливого детства и тревожной трудной юности все удивлялись, впервые узнав, что Алексей и Егор — братья. Алексей пошел породой в отца, такой же кряжистый и хватистый, как бы вросший в землю, точно корявый, но могучий дуб. Егор же позаимствовал у матери ее стройность и статью, легкую походку и плавность движений, лицо его было таким же смуглым, с темно-кариками, как бы обволакивающими тебя газами, прямым носом с небольшой горбинкой и широкими крыльями ноздрей, губами, сложенными в вечную полуулыбку, но если у матери все черты объединялись в гармоничное единство, то у сына они были разбросаны на вытянутом, почти лошадином лице кое-как, и от этого возникало странное ощущение пародии на лицо матери. Даже родинка, как будто в насмешку, была прилеплена творцом на ту же щеку, что и у матери, но если на ее лице она смотрелась как драгоценное украшение, то на лице сына — как нелепая посторонняя клякса, которую хотелось скорее стереть, чтобы отчистить испорченное лицо.

За те годы, что братья не виделись, Егор сильно постарел и осунулся. Алексей даже не сразу узнал его. Вернее, узнал сразу, но не зрением, а каким-то другим чувством, благодаря которому мы узнаем родных людей даже со спины или издалека. «Брат!» — сказала Алексею внутреннее чувство, но мозг, перерабатывающий сигналы от зрительных анализаторов, все еще сомневался: «Неужели это Гоша?»

Алексей запомнил брата совсем другим: молодым и веселым, с буйной шевелюрой темно-каштановых непослушных волос, легким пухом на щеках и горящими глазами. Сейчас глаза его потухли, волосы поредели и из-темно-каштановых стали грязно-сизыми, а легкий юношеский пушок превратился в сине-зеленую, два дня не бритую щетину.

Их глаза встретились молниеносно. Гораздо быстрее скорости света — со скоростью духа, которая вряд ли когда-нибудь будет измерена учеными. Алексей боялся увидеть в глазах брата ненависть, или неприязнь, или непрощенную обиду, но не увидел там ничего, кроме тоски и усталости.

— Здорово, брат, — сказал Егор, только-только оторвавшись от материнских объятий и поцелуев.

— И тебе не хворать, — невесело ответил Алексей всплывшим из глубин подсознания шуточным приветствием, которое они часто использовали в своей далекой юности. Сейчас оно прозвучало неуместно, и оба это почувствовали.

— Постарел, — констатировал Егор, внимательно оглядев брата.

— Да и ты не помолодел, — парировал тот.

О чем говорить дальше, они не знали.

Мать, почувствовав неловкость момента, засуетилась и стала усаживать Егора на диван, где сидел Алексей, но Егор, не дойдя до дивана, тяжело опустился в кресло, и в комнате повисла тяжелая напряженная тишина.

— Давайте чаю попьем, — предложила мать, стараясь как-то разрядить душную атмосферу, которую она не могла больше переносить, и вышла на кухню. Из кухни слышался негромкий разговор двух женщин, закипел чайник, зазвякала посуда.

— Как живешь, брат? — тихо спросил Егор, когда они остались одни.

— Нормально. А ты?

— Как всегда, лучше всех, — горько повторил Егор свою детскую присказку, но она явно означала прямо противоположное своему буквальному смыслу. Это было видно и по черным кругам под глазами, и по дрожи в руках, которую было невозможно скрыть, и по поношенной, не очень чистой и совсем немодной одежонке, больше напоминавшей какое-то рубище неопределенного цвета и фасона.

Что было говорить дальше? И нужно ли было вообще говорить? Между братьями лежала непроходимой пропастью давнишняя непрощенная обида. Обоим хотелось преодолеть ее, но оба не знали, как это сделать, с чего начать. Пока обида была живой и кровоточащей, оба обвиняли во всем другого, но со временем фокус восприятия сместился, всплыли на первый план не замеченные прежде детали, а то, что казалось главным и абсолютно непростительным, вдруг отодвинулось куда-то на задний план, и вот уже каждый винил больше самого себя и мечтал о встрече с братом, чтобы повиниться и покаяться, но как сделать первый шаг? Как заговорить о том, о чем и думать-то непереносимо больно?

Вошла мама с подносом, на котором стоял фарфоровый заварочный чайник с бледно-розовыми цветами на белом фоне, вокруг чайника расположились три чашки с блюдцами. И чайник и чашки были из самого дорогого и любимого матерью сервиза, который она трепетно берегла, и он уцелел большинством приборов до наших дней, хотя оба брата помнили его еще в далеком былинном детстве. В такой же древней и любимой с детства плетеной вазочке лежали конфеты и печенье. Мать расставила приборы на круглом столе и выдвинула из-под столешницы стулья, приглашая детей к чаю.

Было хорошо и покойно сидеть за старинным круглым столом, пить чай из родных чашек, слушать мелодичное тиканье настенных часов, смотреть на корешки читанных-перечитанных книг и фарфоровые статуэтки в шкафах, которые в детстве, в отсутствие родителей, превращались в самые дорогие и ценные игрушки. Тем более ценные и дорогие, что играть ими было строжайше запрещено.

— Как здорово, что мы все наконец-то снова вместе! — не смогла не выразить переполнявшее ее чувство Екатерина Ивановна (так звали маму братьев). Она давно напряженно и страстно призывала эту минуту длинными бессонными часами, прислушиваясь к ночным звукам и шорохам на улице, в подъезде и в квартире: не подъехало ли такси к дому? Не звучат ли на лестнице шаги сыновей? Не звонит ли телефон?

Сиделка Клава замерла на кухне, боясь потревожить встречу давно не собиравшейся вместе семьи. У всех присутствующих в этот миг в квартире возникло мимолетное ощущение, что добрый легкокрылый ангел спустился с небес и озарил нездешним светом все пространство жилища. Это ощущение дрожало в воздухе несколько секунд, а потом из комнаты больного послышался хриплый, ослабевший от болезни голос отца:

— Мать! Дети приехали?

ГЛАВА 14

Егор родился в июле. Может быть, поэтому, в отличие от своего сурового зимнего брата, он обладал легким и дружелюбным характером. С детства он смотрел на мир как на волшебную страну, полную радостных чудес и населенную добрыми и приветливыми существами, — и мир отвечал ему тем же. В садике он покорял всех своей открытой улыбкой и готовностью поделиться любимой игрушкой и лакомством, в школе

и во дворе он легко сходилась с самыми авторитетными и боевыми мальчишками. Он не конкурировал с ними, не стремился доказать, что он круче их, просто охотно участвовал в их забавах, никогда не унывал и никого не предавал, на него всегда можно было положиться — он с готовностью подставлял свое плечо любому, кто в этом нуждался, — и его ценили за это и считали своим парнем.

В учебе он не был таким упорным и настойчивым, как его старший брат, учился легко, особо не напрягаясь, постоянно забывал выполнять домашние задания, а если родители начинали его контролировать, выполнял их быстро и непринежно — лишь бы от него отстали. Повышенные требования, которые предъявлялись к ученикам в элитной школе, куда вначале родители отдали его вслед за старшим братом, он как будто бы не замечал, словно они касались кого угодно, но только не его. Учителя жаловались, родители хватались за голову и проводили с ним бесконечные воспитательные беседы, а Егор при этом совсем не расстраивался. Душеспасительные нотации и дисциплинарные меры не дали результата — и в пятом классе родители решились перевести сына в обычную микрорайонную школу, которая была на самом деле совсем неплохой, просто всегда оставалась в тени соседней — элитной.

В новой школе Егор легко влился в коллектив одноклассников, во-первых, благодаря своему легкому и незлобивому характеру, а во-вторых, потому что знал уже почти всех по дворовым забавам. Школьные предметы давались ему без особого труда, а лишнего здесь никто от него не требовал, поэтому оценки резко пошли вверх, и окончил он школу очень даже сносно: без троек, с пятерками и похвальными грамотами по точным наукам.

Все детство, все школьные годы протекали у Егора в тесном общении со старшим братом. Он помнил его столько же, сколько помнил себя, и не представлял свою жизнь без него. Всеми силами своей маленькой души он стремился скорее стать таким же большим и сильным, как его старший брат, но он никак не мог его нагнать. Брат уже учил таблицу умножения, а он все еще ходил в садик. Когда он наконец пошел в первый класс, брат перебрался уже в другое здание, где учились дети постарше. Егор ужасно расстраивался, что ему на целый год удлинители начальную школу, потому что это откладывало его переход в здание, где учился брат. Но когда начальная школа осталась позади, его вообще перевели в другую школу — так он и не встретился с Алексеем в школьных коридорах, а он так об этом мечтал!

Вообще, все время, пока Алексей не уехал в Москву, все эти бесконечные тринадцать лет, из которых большую часть Егор помнил довольно отчетливо, они жили с братом в одной квартире, а последние девять лет и в одной комнате, но как будто бы в разных странах. У Алексея всегда была своя «взрослая» жизнь, из которой он лишь изредка, как господин Саваоф из своих облаков, нисходил в мир своего младшего брата, а Егор, как ни мечтал, не мог до этой заоблачной жизни дотянуться.

Пока Алексею не исполнилось четырнадцать, он время от времени устраивал с братом совместные игры. Их любимой игрой были «солдатики». Каждый из братьев тщательно собирал и берег свою армию, формируемую из родительских подарков, и вечерами, когда уроки были выучены, а Алексею не надо было идти на секцию или на какие-то другие «взрослые» дела, они устраивали грандиозные сражения, превращая кровати в гористые неприступные укрепления, а палас между ними в поле боя. Сколько отчаянных кавалерийских атак, сколько маршей бравой пехоты, сколько артиллерийских канонад помнят эти бескрайние поля детской фантазии! Егор никогда не был так счастлив, как играя со старшим братом в эти захватывающие сражения. Он мечтал о них весь день, продумывал планы обходов и стремительных наступлений, жутко расстраивался, если брат бывал занят, но зато прыгал до потолка, когда Алексей все же снис-

ходил к его просьбам. Увы, эти счастливые часы навсегда канули в историю, когда Егор только-только окончил начальную школу. Алексей к тому времени навсегда ушел в неведомый взрослый мир из сложных старшекласных предметов, бокса, юношеских компаний и чего-то таинственного, о чем Егор мог только догадываться. Брат, физически оставаясь с ним в общем пространстве, душой покинул его, а Егор остался на детском берегу со своей проверенной в боях и походах оловянно-пластмассовой армией, в которую влились новые полки, перешедшие к нему по наследству от старшего брата, только Егору было от этого мало радости.

Последние годы их совместного проживания Егор вообще редко видел своего брата. Когда он просыпался утром, постель брата была уже тщательно заправлена, а сам он носился по подъездам, раскладывая в почтовые ящики вороха перестроечных газет, которых с таким нетерпением ждали обыватели, чтобы позлорадствовать и разбередить свои застаревшие раны новыми сенсациями и откровениями о том, в каком жутком мире, оказывается, жили они в течение семидесяти лет советской истории. Возвращался он поздно вечером после ежедневных тренировок и соревнований и сразу садился за уроки. Егор пытался с ним заговорить, но брат отвечал коротко и старался скорее свернуть разговор, поскольку у него было много уроков. Егор навсегда запомнил золотистый свет от настольной лампы, согнутую спину и стриженный затылок брата, склонившегося над учебниками, да еще квадрат окна, занавешенный бежевыми занавесками с изображением городских многоэтажек на них.

А потом брат уехал, и он остался в их общей комнате один.

Каждый год Алексей приезжал домой на каникулы, и с каждым годом Егор с радостью отмечал, что сбывается его детская мечта — он таки нагоняет своего брата, они становятся почти ровней: вот и рост уже одинаковый, и величина ладони, и размер обуви, а вот уже Егор и перерос своего старшего, правда, он поуже в плечах, и мускулы не такие рельефные, зато в беге он делает своего старшего на раз-два, и в плавании не уступает, и в велосипедных гонках, а главное — они могут говорить уже о совсем взрослых вещах как равные, и покурить, лежа на волжском берегу, и пивка попить, и с девчонками позубоскалить.

Самым радостным для Егора оказался приезд брата после пятого курса, потому что они сравнялись окончательно. Егор к этому времени тоже был уже студентом — окончил первый курс Средневолжского политехнического, а Алексею оставалось учиться еще целый год в своем столичном университете, — теперь они оба были студентами, оба молодыми, полными нерастраченных сил и амбициозных планов, и впереди у обоих была еще целая жизнь, долгая и счастливая.

ГЛАВА 15

После самого счастливого лета началась самая счастливая осень.

На конкурсе первокурсников на Егора неизгладимое впечатление произвела одна девушка. Она читала Блока.

Актный зал в тот день был набит до отказа. Сцена, украшенная гирляндами разноцветных шаров, светилась ослепительными огнями, точно рождественская елка. На сцену выходили танцоры и музыканты, юмористы и гитаристы, клоуны и певцы, все гремело электронными децибелами, искрилось блестками сценических костюмов, мелькало в бешеном калейдоскопе современных ритмов — и вдруг среди этого грома и блеска свет на сцене потух. Зал замер в недоумении, даже легкий ропот прокатился по рядам — не случилось ли чего с электричеством? Недоумение длилось одно мгновение, и вдруг плотную темноту прорезал луч прожектора — он упал откуда-то сверху и выхва-

тил из непроглядного мрака фигурку девушки в белом платье. В ту же минуту над притихшим залом зазвучал ее негромкий голос, напоминавший перезвон серебряных колокольчиков:

Девочка пела в церковном хоре.
 О всех усталых в чужом краю,
 О всех кораблях, ушедших в море,
 О всех, забывших радость свою.

Голосок казался слабеньким, он надламывался на повышениях тона, но была в нем какая-то скрытая сила, которая проникала в грудь, сжимала сердце и заставляла его биться учащенно. Егор попал под обаяние этого чарующего голоса, он наслаждался каждым его звуком и мечтал только об одном — чтобы этот голос никогда не утихал:

Так пел ее голос, летящий в купол,
 И луч сиял на белом плече.
 И каждый из мрака смотрел и слушал,
 Как белое платье пело в луче.
 И всем казалось, что радость будет,
 Что в тихой заводи все корабли,
 Что на чужбине усталые люди
 Светлую жизнь себе обрели.
 И голос был сладок, и луч был тонок,
 И только высоко, у царских врат,
 Причастный тайнам, — плакал ребенок
 О том, что никто не придет назад.

Но стихотворение было слишком коротким, и когда в гулкой тишине зала растаяли его последние слова, Егор понял, что и ему, как героям только что услышанного им стихотворения, нет пути назад.

После концерта он отыскал девушку среди радостно возбужденной толпы студентов.

— Привет, — сказал он, — меня зовут Егор, я со второго курса... Хотел сказать тебе, что ты классно читала!

— Спасибо, Егор, — не ломаясь и не кокетничая, ответила она, — а я Светлана, будем знакомы, — и она протянула ему руку.

Пожимая ее мягкую ладошку и глядя в приветливые глаза, Егор не мог даже представить, какую роль предстоит сыграть этой девушке в его жизни.

До встречи со Светланой Егор имел уже некоторый опыт общения с противоположным полом. В одиннадцатом классе он познакомился, а затем и подружился с новой соседкой по подъезду. Ее звали Рита. Она училась на втором курсе местного педуниверситета и вместе с подругой сняла двухкомнатную квартиру в доме, где жил Егор. Рита в это время как раз выходила из депрессии, вызванной расставанием со своим прежним парнем, и симпатичный, кареглазый, черноволосый сосед невольно привлек ее заинтересованное внимание.

Она была добрая и веселая, эта Рита, они замечательно проводили время в компаниях и вдвоем, слоняясь по городу и целуясь в подъездах. Однажды, когда соседки не было дома, Рита пригласила Егора к себе на чай. Тогда-то и произошло посвящение его в мужчины. Егор давно и страстно мечтал об этом, представлял по ночам сцены любовной близости с Маргаритой, но всегда думал, что это так и останется мечтами. И вдруг реальность превзошла самые смелые мечты!

— Ты знаешь, когда мы познакомились, я думала, ты учишься курсе на третьем, так взросло ты выглядишь, — смешно оправдывалась она, когда они лежали в объятиях друг друга на ее узкой кровати, — я, ей-богу, даже представить не могла, что тебе нет еще восемнадцати!

Егор не обижался на ее милую болтовню. Юным он себя не считал, поскольку до совершеннолетия ему оставалось несколько месяцев, а Рита была старше него всего на два года — ровно на столько, на сколько мама была старше отца, так что разница в возрасте несколько его не смущала.

Им было хорошо вдвоем, но Егор постоянно чувствовал, что всерьез Рита его не воспринимает. Это было немного досадно, но в то же время это вносило в отношения такую легкость и беззаботность, что вскоре Егору это даже понравилось.

Они расстались так же легко, как и сошлись. Просто подруги через год нашли новую квартиру, которая находилась на другом конце города, но зато была дешевле. Это случилось летом, когда Егор был занят поступлением в технический университет. Поступив, он пару раз съездил к Рите по новому адресу, а потом началась учеба, и ездить стало недосуг, а потом появились новые друзья и подруги, которые занимали все свободное время, остававшееся после лекций и семинаров. Несколько раз они еще встретились в городе, побродили по набережной, посидели в кафе-мороженом, но потом пришла холодная осень, а за ней и снежная зима — и встречи прекратились сами собой. Какое-то время Егор по инерции считал, что отношения продолжаются, раз в неделю в условленное время она звонила ему домой, и они душевно разговаривали, вспоминали свои прежние встречи, обменивались новостями, строили планы на будущее, но проснувшись однажды утром, Егор почувствовал, что к Рите его больше не тянет, и как бы уловив его настроение, Рита в тот день не позвонила. Не позвонила она и на следующий день, и через неделю, и через месяц. Звонки прекратились совсем, а в квартире, которую она снимала с подругой, телефона не было. Егор все собирался съездить к ней домой или подкараулить после занятий в университете, но что-то так и не собрался.

Ясным осенним днем, когда над городом светились кипенно-белые облака и стаи галок, рассеявшись на облысевших деревьях, обсуждали предстоящую зиму, он случайно встретил ее на улице. Она шла по тротуару в коротком демисезонном пальто, выставлявшем на всеобщее обозрение ее красивые длинные ноги в черных колготках и лакированных ботинках на высоком каблуке. Рядом с ней вышагивал, блистая парадной формой одежды, высокий молодой офицер. Они оживленно болтали, смеялись, держались за руки и, судя по всему, были очень довольны друг другом. Всего на секунду Егор смог перехватить Ритин взгляд, почти не отрывавшийся от офицера, и заметил, как что-то молниеносно сверкнуло в глубине ее темных глаз, но уже через мгновение девушка отвела глаза и сделала вид, что не узнала его. Наверное, после этого стоило расстроиться или огорчиться, но, себе на удивление, он только облегченно вздохнул.

Когда Егор подошел к Светлане после концерта, образ Маргариты, бледный и изрядно потускневший, еще сохранялся в его душе, но незримая магнетическая сила, которая исходила от его новой знакомой, вскоре окончательно изгнала его оттуда.

ГЛАВА 16

Родители Светы слыли в кругу родных и знакомых неисправимыми романтиками: на их идеалы не повлияли ни крах страны, ни свалившаяся невесть откуда бедность, ни агрессивная пошлость, наползающая со всех сторон. Они словно не видели ничего этого и продолжали заслушиваться Окуджавой, читать пожелтевшие от времени экземпляры «Юности» и «Нового мира», ходить в походы с проверенными друзьями, кото-

рых знали еще со студенческих лет. Собравшись вместе, они пели свои любимые песни из безвозвратно ушедшего прошлого о *надежды маленьком оркестрике и комиссарах в пыльных шлемах*, при этом их глаза неизменно затуманивались слезой.

Получив такое воспитание, Светлана тоже в душе была романтиком, хотя и более приспособленным к окружающей жизни. Она верила в добро и победу справедливости где-то в отдаленной перспективе, но понимала, что с сегодняшним циничным и жестоким миром нужно вести себя соответственно, чтобы он тебя не сломал и не превратил в жалкое затравленное животное. Она была сильной и самостоятельной и не строила иллюзий относительно того, что вокруг только чудесные и замечательные люди, но в ней жила одна мечта, роднившая ее с самыми романтичными романтиками всех эпох — как ни банально и ни несовременно это звучит сегодня, но Светлана мечтала о любви. Нет, даже так — о Любви, с большой буквы. Может показаться странным, но ее идеалом со школьной скамьи стала Татьяна Ларина. Она одна из всех девчонок класса понимала глубину и цельность пушкинской героини и мечтала быть на нее похожей. Единственное, с чем она была внутренне не согласна — это с тем, что Татьяна, на ее взгляд, не стала бороться за свою любовь. А впрочем, Света оправдывала ее поведение особенностями времени, в котором та жила. Живи Татьяна не в начале девятнадцатого века, а двести лет спустя, она, вероятно, повела бы себя по-другому. Вот такой Татьяной, Татьяной двадцать первого века, и ощущала себя девушка, волею родителей названная другим именем.

Было и еще одно отличие: пушкинской Татьяне ее Евгений встретился в самом начале жизненного пути, когда ей было всего семнадцать — Светлане в семнадцать лет ее Онегин не встретился, не встретился он и в восемнадцать. Многие парни оказывали ей знаки внимания, кое-кто ей даже нравился, но ни об одном из них Света не могла сказать словами своей любимой героини: «Я знаю, ты мне послан Богом» — а на меньшее Светлана не хотела соглашаться.

В сентябре ей исполнилось девятнадцать, а в октябре состоялся конкурс первокурсников, на котором она читала свою «Девушку». Это стихотворение Блока звучало для нее как горькое сожаление о несбывшихся мечтах и разбитых надеждах, и в то же время под внешне ностальгической оболочкой угадывалась глубоко запрятанная мольба о любви.

Егор услышал ее мольбу и, не в силах сопротивляться ответному порыву, подошел к Светлане после концерта. Девушке немного приглянулся этот высокий смуглый парень с непослушной копной темно-каштановых волос и добрыми собачьими глазами. С ним было интересно разговаривать: у них оказались похожие пристрастия в музыке и литературе, созвучные взгляды на жизнь и на людей.

Они стали встречаться. Егор сразу окружил ее вниманием и заботой, познакомил со своими друзьями, дарил цветы и хорошие книги, водил на интересные фильмы и выставки, которые потом они горячо обсуждали, то споря, то соглашаясь друг с другом.

С каждым днем Света чувствовала все большую привязанность к этому человеку, который, судя по всему, глубоко и искренне ее любил. Она прислушивалась к себе, стараясь уловить в тайниках души ответное чувство, и иногда ей даже казалось, что она смутно ощущает его где-то в самой глубине своего существа. «Наверное, так оно и бывает на самом деле, — размышляла Светлана, — *а ты чуть вошел, я миг узнала* — это из области литературы!»

Одной из любимой тем их с Егором разговоров стали разговоры о брате. Света росла единственным ребенком в семье, поэтому все свое детство мечтала о брате или сестре и даже не представляла себе, что это значит — иметь старшего брата! Она постоянно расспрашивала Егора об Алексее и мечтала с ним познакомиться. Из рассказов Егора

в голове Светы возникал образ сильного и талантливого молодого человека с интересным прошлым, ярким настоящим и блистательным будущим. Образ Алексея в ее сознании стал таким возвышенно героическим, что свет от него невольно падал и на младшего брата, усиливая ее интерес к нему.

Между тем их роман развивался своим чередом, природа брала свое: от целомудренных прогулок рука в руке они перешли к объятиям и поцелуям, которые становились все отчаяннее и горячее, в какой-то момент стало не хватать и поцелуев — и они начали исследовать новую для Светланы область интимных отношений между мужчиной и женщиной. Небольшой опыт Егора в этой сфере очень пригодился. Их первую интимную близость Егор обставил так романтично, был таким нежным, терпеливым и в то же время по-хорошему настойчивым, что у Светы остались от этой первой в ее жизни близости только самые добрые воспоминания.

Когда Егор перешел на последний курс, они решили съехаться и попробовать пожить вместе. Благодаря брату Егор хорошо поднатаскался в программировании и постоянно выполнял для его фирмы какие-то мелкие заказы, за которые удивительно много по средневожским меркам платили, и эти заработки помогали молодой семье безбедно существовать, не особо обременяя своими потребностями родителей.

Теперь они засыпали и просыпались вместе, в одной постели — это было ново и необычно, необычными были совместные завтраки и походы по магазинам, покупка предметов интерьера и бытовых мелочей, забота друг о друге во время болезни и многое-многое другое, чего раньше в их жизни не было. Им открывалась целая новая планета жизни вдвоем. В этой жизни им приходилось принаравливать друг к другу, просить прощения и прощать, учиться скрывать свое плохое настроение, входить в положение, закрывать глаза — ошупью, наугад, ценой огорчений, обид и ошибок постигая сложную науку совместной жизни под одной крышей.

Известно, что в отношениях двоих один всегда любит больше другого. В их паре эта роль, безусловно, принадлежала Егору. Света же, не умея еще до конца разобраться в своих чувствах, позволяла ему себя любить. Она, словно зачарованная красавица, жила в волшебном замке любви, выстроенном вокруг нее Егором. Его забота и ласка доставляли ей много радостных минут, она чувствовала любовь, исходящую от него, и что-то внутри нее сладко и трепетно отзывалось на это чувство. Ей было приятно осознавать, что дома ее всегда ждет ее верный рыцарь, который выслушает и приласкает, поддержит в сомнениях и поможет в трудную минуту, но любила ли она его? Она пыталась убедить себя, что и сама она тоже любит. Снова и снова, глядя на спутника жизни, она перебирала его достоинства и старалась не замечать недостатки. Сладкие вибрации, которые возникали в ее теле в ответ на его обожание, она готова была принять за любовь и готовилась навсегда связать свою судьбу с судьбой этого человека. Размышлениям на эту тему она время от времени предавалась, особенно когда оставалась дома одна. Так было и в то солнечное июньское утро, когда Егор уехал в университет по делам, связанным со скорой защитой диплома, а она смотрела утренние телепередачи, морально настраиваясь засесть наконец за подготовку к очередному экзамену.

Она сидела в кресле, забравшись в него с ногами, перед ней лежал раскрытый учебник, но ее взгляд был устремлен не на страницы книги и даже не на экран телевизора, а за оконное стекло, туда, где торжественно и плавно проплывали над городом кучевые облака.

«Правильно ли я поступаю, что живу здесь, в этой съемной квартире с влюбленным в меня молодым человеком? Не обманываю ли я себя? Может быть, это вовсе не моя жизнь, а моя судьба ждет меня где-то в другом месте, где меня сейчас нет? Как это понять? Господи, дай мне хотя бы какой-нибудь знак!»

Светлана была так глубоко погружена в свои мысли, что первого звонка в дверь она даже не расслышала.

ГЛАВА 17

Первые месяцы жизни со Светланой Егор был в состоянии охватившей его эйфории. Ему казалось, что все, о чем он мог только мечтать, наконец исполнилось. Его чувство к Светлане только усиливалось с каждым новым днем. Просыпаясь утром, он уже был счастлив от того, что рядом с ним посапывает его любимая. Ему нравилось готовить ей завтрак, покупать подарки, помогать с курсовыми работами. Рядом с ней ему легче дышалось, все, за что ни брался, получалось, жизнь казалась полной и осмысленной, но стоило ей уехать к родителям или пойти на девичник, как Егор начинал тревожиться, звонил ей через каждый час, встречал на автобусной остановке и успокаивался только тогда, когда брал ее мягкую теплую ладонь в свою, и они направлялись, смеясь и болтая, домой.

Влюбленность часто делает людей эгоистами. Егор был так влюблен в свою ненаглядную Свету, что не замечал той напряженной работы, которая совершалась у нее внутри. Он видел, что она часто грустит и вздыхает, чем-то озабочена, старается уклониться от его ласк, но относил все это на свой счет. Ему казалось, что он недостаточно внимателен к ней, плохо ее развлекает, мало заботится. Он лез из кожи вон, чтобы развеселить свою царевну Несмеяну, и радовался, как мальчишка, когда ему это удавалось.

Тем летом Егор страшно переживал, что подготовка к защите диплома отнимает слишком много времени, и он не может посвящать его своей маленькой принцессе. Сессия Светы, наоборот, оказалась самой легкой за все время ее учебы: она состояла из четырех экзаменов, два из которых Света сдала автоматом, а два не представляли для нее никакой сложности. Приезд Алексея оказался как нельзя кстати. Света ожила и повеселела. Целыми днями, пока Егор сидел над чертежами и устранял недоработки, замеченные оппонентами, Алексей со Светой пропадал на пляже.

Стоял небывало жаркий июнь. Вода в Волге еще не прогрелась, но песок нагрелся моментально, и было приятно после долгой холодной зимы и слякотной весны подставлять свои тела под льющиеся с небес потоки обжигающего тепла. Света брала на пляж конспекты и книжки, но в них почти не заглядывала. Она заворуженно слушала рассказы Алексея о Москве, о ночной жизни клубов, о современных веяниях в музыке и театре, о новых технологиях и работе в крупной компании. Алексей рассказывал просто и с тонким юмором, давал емкие и остроумные характеристики своим приятелям и коллегам, яркими красками рисовал портреты московских барышень, над которыми Света весело смеялась, но о Марине он почему-то не говорил ей ни слова. Не то чтобы он хотел скрыть от нее правду, просто в присутствии Светы ему не хотелось вспоминать о другой женщине. С самой первой минуты, как только он увидел Светлану в дверях, Алексей почувствовал неодолимое влечение к ней, хотя и боялся сам себе в этом признаться — ведь это была девушка его родного брата!

Света же с каждой минутой влюблялась в Алексея все больше и больше. Только сейчас она поняла, что полюбила этого человека уже давно — вылепив его образ из рассказов Егора и по фотографиям. Ей безумно хотелось с ним познакомиться, но последние два года Алексей в родной город не заезжал, а поездка в Москву, о которой они время от времени говорили с Егором, как-то все не склеивалась. Она боялась, что встреча с настоящим, а не выдуманным Алексеем разобьет ее девичьи грезы, но реальность оказалась даже ярче фантазии. Егор неожиданно поблек и отодвинулся на задний план, а все ее мысли и мечты сосредоточились на Алексее.

Накануне Егоровой защиты был день рождения самой близкой Светиной подруги Людмилы.

— Лех, сходи, пожалуйста, со Светкой вместо меня, — попросил брата Егор, я совсем зашиваюсь, к тому же завтра мне нужно быть в форме, а не пить в пьяной компании выше моих сил!

— Я и одна могу сходить, — попыталась возразить Света, хотя мысль, чтобы Алексей был ее сопровождающим, ей явно понравилась.

— Лично я не против, — вставил свое слово Алексей.

— Ну вот и договорились, — обрадовался Егор, — привет Людмиле!

С дня рождения возвращались поздно. Солнце уже село, и в городе зажглись фонари. Алексей и Света шли от остановки по пустынной, пахнущей сиренью улице, то возникающая в кругах света, то растворяясь в сумраке июньской ночи. Стало прохладно, и Алексей отдал спутнице свой пиджак, но он совсем не чувствовал ночной прохлады — внутри работал маленький ядерный реактор, наполняя каждую клеточку его тела знойным горячим воздухом. Светины каблочки трогательно цокали рядом, отдаваясь в его ушах невыразимо прекрасной музыкой, от которой хотелось то ли обнять весь этот огромный, наполненный звездами, окнами, фонарями, запахами сирени и густыми тенями мир, то ли заплакать навзрыд.

Вот уже и дом, в котором их ждет Егор, еще несколько шагов — и закончится волшебство этой чудесной июньской ночи, но Света вдруг останавливается и говорит так тихо, что кажется — это ветер шелестит в листве лип:

— Я не хочу идти домой.

Эта фраза застает Алексея врасплох. Брат очень дорог ему, и он не хочет причинять ему зла, но может быть, ему все только послышалось, и Света сказала что-то совершенно другое?

— И чего же ты хочешь? — спрашивает он, еще надеясь, что слух обманул его.

— Я хочу тебя, — звучит ответ. И в этом ответе он слышит непреклонную волю решившейся на немислимое женщины. В тот же миг руки Светланы охватывают его шею, и он чувствует на губах самый сладкий и самый губительный поцелуй, после которого он полностью теряет контроль над собой и приходит в себя только через несколько минут в темной, запрятанной от посторонних глаз беседке детского сада в густой тени цветущей вокруг сирени. Света все еще сидит у него на коленях, прильнув к груди, словно цепкий гибкий виноград, прилепившийся к стволу векового дуба.

Алексей ни о чем не думал и ничего не ощущал в эту минуту, кроме бесконечного, безграничного и всеобъемлющего блаженства. Никогда, нигде, ни с одной женщиной ему не было так хорошо и покойно, как с этим зябким нахохлившимся воробышком в его пиджаке, который удобно примостился у него на коленях.

— Я люблю тебя, — сказал он одними губами, — я никогда и никого так не любил, но как ужасно, что ты невеста моего единственного брата!

— Не расстраивайся раньше времени и не торопи события. Может быть, все это нам только снится? Вот проснемся и будем с любовью и нежностью вспоминать этот волшебный сон.

— Но я не смогу жить без тебя, уж лучше навсегда остаться в этом волшебном сне!

— Кто знает, как все обернется, и где тут сон, где тут явь? Давай предоставим событиям идти свои чередом, а там видно будет.

ГЛАВА 18

Остаток ночи Алексей не смог сомкнуть глаз. Несколько минут близости со Светланой застряли в нем сладкой и мучительной занозой. Перед внутренним взором про-

ходила каждая миллисекунда их свидания, растягиваясь во времени, словно в замедленной съемке, и он снова и снова прокручивал в голове этот захватывающий трейлер: глаза, распахнутые настезь, переплетение тел, жадно исследующих друг друга, шум крови в висках, слова страсти, вырывающиеся откуда-то из сокровенных глубин вместе с порывистым дыханием, — за эти несколько минут Светлана стала для него такой близкой и родной, что ему дико было представить, что сейчас она спит в соседней комнате рядом с другим человеком.

Если бы это был просто другой человек! Но это, ко всему прочему, был его единственный брат. Извращенная шутка судьбы состояла в том, что два его самых любимых человека лежали сейчас за стеной в одной постели, и один из них даже не подозревал, какие тучи собрались над его головой, а виновником грядущих несчастий был не кто иной, как его старший, горячо любимый брат. Алексей ненавидел себя за это и не знал, как ему теперь быть. Отказаться от Светы было для него невыносимо, обманывать брата — омерзительно, но как сказать правду? И возможно ли ее вообще сказать? Удивительно, но в хаосе и суматохе обуревавших его мыслей Алексей почему-то совсем не думал о Марине — ее как будто бы никогда не было в его жизни.

В июне светает рано, и хотя окно комнаты, в которой поселился Алексей, выходило на северную сторону, бледный утренний свет уже проникал сквозь плотные занавески, становясь с каждой минутой все насыщеннее и ярче. Контуры неуклюжего шкафа, выдавшего вида письменного стола, скрюченной настольной лампы, картины на стене, изображавшей залитый солнцем южный приморский городок у лучезарного моря, наполнялись постепенно плотью и цветом, превращаясь из таинственных теней в реальные предметы домашнего интерьера, а вместе с ростом освещенности рос в душе Алексея страх перед встречей с братом. Как он посмотрит ему в глаза? Что скажет?

Алексей посмотрел на часы — начало пятого. Сна не было ни в одном глазу, осколки лихорадочных бессвязных мыслей металась в мозгу, он пытался ухватиться за них, найти какое-нибудь решение, но решение не приходило.

Дверь комнаты тихо приотворилась, и в проеме возник силуэт Светланы. Прихожая, в которую выходила дверь его комнаты, в этот час была наполнена золотым светом восходящего солнца, который лился из кухни через широкую арку, — и вокруг ладной фигуры девушки и, особенно, вокруг ее головы, обрамленной короной светло-русых волос, горело ослепительное сияние. Алексей невольно зажмурился, а когда открыл глаза, Светлана сидела уже на краешке его кровати и смотрела на него ясными и ласковыми серо-голубыми глазами.

— Доброе утро, — просто сказала она и улыбнулась, — как спалось?

— Никак. Всю ночь ворочался — все думал-думал. Я чувствую себя ужасно виноватым перед Егором.

— За что? — спросила Света и пристально посмотрела ему в глаза.

По ее серьезному и внимательному взгляду Алексей понял, что вопрос не риторический. От него на самом деле ждали ответа.

— Ну, ты же его девушка, — начал Алексей и замялся, не зная, что еще сказать.

— Мы можем сделать вид, что ничего не было, и жить дальше, как жили. А вчерашний вечер останется просто прекрасным воспоминанием.

— Ты действительно этого хочешь?

— А ты?

— Я — нет.

— Тогда в чем причина чувства вины перед братом?

— Я очень люблю Егора и страшно переживаю за него. Как он все это переживет? И переживет ли?

— Я переживаю не меньше твоего. Все-таки мы вместе уже два года — это целая жизнь. Но ты знаешь, встретив тебя, я ясно поняла, что мое чувство к Егору немного другой природы. Я ошибочно принимала его за любовь, но это не любовь. Зачем же продолжать жить вместе, если нет настоящей любви? Надеюсь, мы сможем остаться с ним друзьями.

— Еще бы Егор на это согласился!

— А вот для этого мне нужны время и покой. Поэтому, пожалуйста, никаких сцен и признаний! Будем пока делать вид, что все остается по-прежнему, и понемногу все встанет на свои места. Я обещаю.

— Но я не смогу после того, что случилось, жить с вами под одной крышей!

— Ничего, переезжай к родителям, надо же и у них погостить.

После разговора со Светой на душе у Алексея стало немного легче. «И правда, — думал он, — разве кто-то виноват, что Света полюбила меня, а я ее? Так сошлись звезды. Так распорядилась судьба. Я могу, конечно, отказаться от Светы из ложно понятого чувства вины, но кому от этого будет лучше? Я буду страдать. Света будет страдать. А в результате и брат будет глубоко несчастен. Зачем же все это? Ради чего? Не лучше ли предоставить вещам самим следовать своей логике — а там будь что будет!»

Защита Егора прошла успешно. Вечером вся семья плюс Света собралась в родительской квартире. Открыли бутылку шампанского, ели салат «Оливье» и приготовленную по маминому фирменному рецепту курицу с золотистой жареной корочкой. Отец и мать вспоминали свои студенческие годы, спрашивали о планах на будущее. Раньше после Политеха каждый выпускник получал распределение на рабочее место, но теперь выпускникам самим приходилось искать работу. У Егора было одно конкретное предложение из Петербурга. Его школьный друг, устроившийся год назад на торговый флот, расхвалил Егора перед капитаном, а на корабле как раз была вакансия радиоинженера, но Егор сказал, что месяц побега по собеседованиям в Средневолжье — ему не хотелось оставлять Свету одну — и, только если ничего не найдет, согласится на питерскую вакансию. После ужина Алексей сообщил родителям, что остаток отпуска он проведет у них, чему родители несказанно обрадовались.

Две недели, оставшиеся у Алексея от отпуска, они со Светой встречались каждый день. Егор усиленно занимался поисками работы: сидел дома, изучал газеты объявлений, рылся в Интернете, висел на телефоне, бегал по собеседованиям, встречался с друзьями и знакомыми, которые могли хоть что-то предложить или посоветовать, а Алексей со Светой каждый день отправлялись в какое-нибудь новое путешествие: или за Волгу, или в Южный парк, или просто бродили по волжскому склону, заросшему деревьями и кустарниками. С каждым днем интенсивность их чувств все возрастала. Часами лежали они в густой траве в ажурной тени деревьев и не могли оторваться друг от друга, не могли наговориться. У обоих было такое ощущение, что они знают друг друга тысячу лет, чувство небывалого мистического родства захватило их целиком и крепко держало в своих объятиях, и только вечером, когда Свете пора было уходить домой, горькая болезненная ревность разливалась в груди Алексея.

— Я не хочу, чтобы ты уходила! Как долго еще будет продолжаться это мучение? — спрашивал он. Но Света целовала его своими мягкими теплыми губами и оставляла одного во власти черных мучительных мыслей и чувств.

ГЛАВА 19

В своих пеших путешествиях по городу Света и Алексей постоянно строили какие-то планы, мечтали о будущем. Свое будущее они видели не иначе как только жизнь вдвоем, но как перескочить из их неправильного ущербного настоящего в правиль-

ное и совершенное будущее? Сначала у них сложилось общее направление этого прыжка в неизвестность — конечно же, Москва! Переезд в Москву и начало там новой жизни казалось им избавлением от всех бед и неопределенностей текущего дня. Постепенно выкристаллизовались и детали грядущего побега: влюбленные решили, что будет правильно, если они уедут тайно, не сообщая об этом ни родителям, ни Егору. Потом, уже из Москвы, они намеревались позвонить Егору и все ему объяснить, попросить прощения.

— Разговор с Егором я беру на себя, — говорила Света, — не беспокойся, все уладится! Я очень хорошо его знаю и смогу объяснить все, не сделав слишком больно. Конечно, потом Егору потребуется какое-то время, чтобы все переосмыслить и смириться с произошедшим, но я уверена: это лучше, чем продолжать этот затянувшийся обман.

Они купили два билета на ночной поезд и договорились, что Алексей будет ждать Свету на перроне, а она придет прямо к отправлению. Им казалось, что чем более решительным и неожиданным будет их отъезд, тем больше у них шансов на успех. Алексей созвонился с московским другом, у которого в распоряжении была двухкомнатная квартира, оставшаяся в наследство от бабушки, и тот разрешил им, пока они не снимут свое собственное жилье, остановиться у него. Таким образом, все решалось и складывалось как нельзя лучше. Конечно, в Москве предстояли еще разборки с Мариной, и Светлане нужно будет что-то решать с учебой — то ли уходить на заочное отделение, то ли попытаться перевестись с потерей курса, а то и двух в какой-нибудь московский вуз, то ли брать академку, — но все это казалось такими смешными мелочами по сравнению с ожидавшей их великой переменой, что об этом даже задумываться всерьез не хотелось.

Последний вечер июня был на редкость холодным. После удушающей жары, когда столбик термометра переваливал порой за отметку в тридцать градусов по Цельсию, вдруг подул пронзительный северо-западный ветер и пригнал с собой целые стада черных лохматых туч. Алексей стоял на перроне у своего вагона, зяб на холодном ветру и напряженно вглядывался в снующих по освещенному электрическим светом перрону людей — не появится ли среди них родной силуэт, не мелькнет ли любимое лицо? До отправления поезда оставалось пять минут, а Света все не шла. Алексей страшно волновался и несколько раз пытался позвонить. Он уже вынимал мобильный из внутреннего кармана пиджака, открывал справочник, находил имя Светы, но вспоминая их железный уговор и обещание, данное друг другу, не звонить до самой встречи, чтобы ненароком что-нибудь не испортить, пристыженно убирал телефон обратно и снова принимался жадно вглядываться в лица пассажиров и провожающих.

Вдруг чья-то рука легла ему сзади на плечо. Алексей радостно оглянулся — и тут же отшатнулся, как от вида покойника, восставшего из гроба. Перед ним стоял брат. Конечно, это был Егор: те же взъерошенные, непослушные волосы, то же вытянутое лицо с правильными, но как-то нелепо расположенными чертами, те же знакомые с детства глаза. И в то же время это был другой человек, чужой и страшный — его лицо окаменело в судороге едва переносимой боли, в глазах горел недобрый огонь.

— Здорово, брат! — сказал Егор, и в тоне его голоса Алексей услышал все: и горечь обиды, и боль разбитого сердца, и невозможность поверить в предательство двух самых любимых людей.

Егор стоял и молчал, глядя ему прямо в глаза, а Алексей не мог найти в себе силы встретиться с ним взглядом. Он чувствовал себя последним подлецом, трусом и предателем. Что он мог сказать в свое оправдание? Где найти слова, чтобы объясниться?

— Что скажешь, брат? — спустя минуту спросил его Егор.

— Что я могу сказать? — ответил Алексей и опустил голову, если бы он мог сейчас провалиться сквозь землю, он не раздумывая сделал бы это. Ему хотелось исчезнуть, не быть, не видеть перед собой своего младшего брата, который, казалось, постарел на десятки лет и годился ему сейчас в отцы, а сам он, всегда уверенный в себе, смелый и решительный старший брат, чувствовал себя нашкодившим школьником. Он ждал грозы, урагана, тайфуна и был готов принять на свою голову самые страшные кары, но то, что последовало потом, окончательно выбило его из колеи.

— Как ты мог? — вдруг по-детски недоуменно даже не спросил, а как будто пожаловался ему брат.

И снова, уже в который раз за сегодняшний вечер, окружающая реальность потеряла на секунду свои привычные очертания, рассыпалась на множество мелких осколков и сложилась вновь, но уже с другими ракурсами и перспективами. Брат вдруг показался Алексею таким маленьким и беззащитным! Он вспомнил, как оборонял его во дворе от местной шпаны, как учил его кататься на велосипеде, как они вместе играли в солдатики — и от этих воспоминаний ему стало невыносимо тяжело.

— Прости меня, братишка, это все получилось как-то само собой, я не хотел причинить тебе боли, — с трудом подбирая слова, проговорил он и замолчал, не зная, что можно еще сказать.

— Но ты причинил. И знаешь — я не принимаю твоих извинений, — тихо-тихо одними губами ответил Егор, — с этой минуты у меня нет больше брата...

С этими словами он развернулся и пошел прочь, растворяясь в возбужденной и суетливой вокзальной толпе, словно тихая мелодия скрипки в грохоте барабанов и литавр.

Поднявшись в вагон, Алексей долго не мог прийти в себя, и лишь когда поезд тронулся, он смог наконец набрать номер Светы. Светлана приняла звонок, но в трубке стояла звенящая тишина. Между влюбленными, стремительно удаляющимися друг от друга во времени и пространстве, повисло напряженное молчание, наполненное возбужденными голосами устраивающихся на своих местах пассажиров, хлопаньем полок, шуршанием пакетов, тонким и печальным гудком тепловоза. Через несколько растянувшихся на века мгновений Света наконец прошептала:

— Прости меня, Алексей, я не смогла. Думала, смогу — но не смогла. Я думала — я сильная, а оказалось — слабачка. Я не знаю, что мне теперь делать. Простишь ли ты меня? Простите ли вы оба меня...

Алексею хотелось кричать и плакать, хотелось сорвать стоп-кран или просто выпрыгнуть из окна, набирающего ход поезда, но он собрал в кулак покидающие его силы, как делал это не раз на ринге, и спокойным голосом произнес:

— Все нормально. Егору огромный привет! Надеюсь, ты будешь с ним счастлива. А наши с тобой отношения — это всего лишь ошибка. Летнее помешательство. Сон в летнюю ночь.

— Алеша, зачем ты так говоришь! — ответила Света, и в ее голосе дрожали слезы.

Алексей нажал кнопку отбоя.

А скорый поезд все ускорял свой темп. Неожиданно оборвались и ушли куда-то в сторону горизонта огни большого города, и за окнами повисла непроглядная чернота июньской ночи, незаметно переходящей в июльскую.

ГЛАВА 20

Весь день братья провели у постели умирающего отца, сменяя друг друга. Отец почти все время спал, дыша тяжело и прерывисто, высохшие узловатые руки в синюшных буграх выперших вен совершали странные автоматические движения, как бы ощупывая простыню вокруг себя. В редкие промежутки между провалами тяже-

лого болезненного сна он открывал глаза, в которых не читалось мысли и узнавания, и тихо просил пить, но не мог проглотить больше одной чайной ложки. По всему было видно, что конец близок.

Лишь однажды ближе к вечеру сознание полностью вернулось к нему. Было время дежурства Алексея. Он сидел в маленьком кресле, поставленном специально для этой цели в ногах умирающего, и просматривал сообщения служебной электронной почты в своем смартфоне. Работа не отпускала: постоянно возникали срочные вопросы, требовавшие его личного участия, поскольку исполняющий обязанности не мог взять на себя ответственность за их решение — тяжелый крест генерального директора, который не может отвлечься от неотложных дел даже в тягостные минуты прощания с родным человеком.

Алексей как раз отвечал на очередное письмо, когда услышал, что тяжелое дыхание отца прекратилось. Он невольно подумал о худшем, но, оторвав глаза от смартфона, встретился с совершенно ясным и осмысленным отцовским взглядом. Он даже вздрогнул от неожиданности — настолько он свыкся с мыслью, что сознание к отцу больше не вернется никогда.

— Здравствуй, сын, — тяжело ворочая непослушным языком, проговорил отец, — я ждал тебя. А где твой брат?

— Он здесь, в соседней комнате, сейчас позову.

— Подожди, не надо пока, — отец перевел дыхание, — ты ведь старший... Я скоро уйду, и ты останешься вместо меня... Помогай маме, ей тяжело... Не обижай младшенького, он ведь еще совсем ребенок.

— Папа, ему уже сорок лет.

— Неважно, он все равно твой младший брат. От тебя зависит, будете ли вы жить в мире. Я не знаю, что произошло между вами. Не хочу разбираться, да и сил нет, но прошу: помирись с братом.

— Обязательно, папа, сейчас я его позову! — Алексею захотелось, чтобы Егор непременно увидел отца таким, совершенно ясно мыслящим, с хорошими добрыми глазами. Он выбежал из комнаты, нашел Егора на кухне, схватил его за руку и потащил за собой. Почувствовав волнение брата, Егор не стал сопротивляться, а послушно последовал за ним. Но когда они вошли в комнату, что-то неуловимо изменилось во взгляде отца. Он еще не спал, его взгляд был направлен на дверь в ожидании сыновей, но искра сознания, на несколько секунд вернувшаяся к нему, стремительно уносилась в глубины его прозрачно-серых глаз, оставляя вместо себя уже привычное братьям выражение пустоты и бессмысленности.

— Папа, это я, Егор! — заговорил младший брат, но ответа уже не последовало. Отец закрыл глаза и тяжело задыхался.

В комнату вошла мама, которая благодаря братьям смогла сегодня немного отдохнуть.

— Мальчики, уже поздно, идите поспите немного — я постелила вам в вашей комнате, а я здесь посижу, — сказала она.

В детской комнате, ставшей после того, как они улетели из гнезда, спальней матери, братьев ждали застеленная кровать и раскладушка, поставленная рядом, также с любовью застеленная свежим бельем.

— Ты давай на кровать, — сказал Егор брату, — раскладушка твой центнер не выдержит.

Алексей не стал возражать, но и раздеваться не стал. Как был, в рубашке и брюках, он лег поверх одеяла, не разбирая постели, Егор последовал его примеру — раскладушка под ним жалобно скрипнула. В комнате воцарилась неловкая тишина. Братья лежали рядом через узкий проход, отделяющий раскладушку от кровати, и смотрели в по-

толок, где по давно не обновляемой штукатурке разбегались во все стороны тонкие, едва различимые трещинки, образуя собой карту какой-то неведомой страны.

— Отец успел тебе что-нибудь сказать? — через пару минут спросил Егор.

— Успел.

— И что же?

Алексей не знал, как ответить. С детства его учили, что в любых случаях самое простое и верное решение — говорить правду, но по своему опыту знал, что это далеко не всегда и не при любых обстоятельствах так. Поверит ли ему брат, если услышит правду? Не решит ли, что им манипулируют, чтобы добиться так и не полученного от него прощения?

— Он мечтает, чтобы мы помирились.

С раскладушки никакой ответной реплики не последовало. «Наверное, он все-таки не поверил», — горько подумалось Алексею. Молчание длилось минут десять. Алексей решил уже, что брат спит, как вдруг в тишине комнаты прозвучал его надтреснутый усталый голос:

— Ты знаешь, а ведь я до сих пор люблю Свету. Каким же глупым, самовлюбленным дураком я был тогда! Мне надо было быть к ней еще внимательнее, чем я был до... того случая, а я стал строить из себя обиженного, запил и допил до того, что однажды проснулся — а ее рядом нет, и только записка на столе. Больше я ее так и не видел. Телефон не отвечал, наверно, она сменила номер. В универе она взяла академический, да так из него и не вышла. Я поехал к ее родителям, но они даже разговаривать со мной не стали — видно, она их так настроила. Надо было дальше ее искать, караулить у родительской квартиры, а я психанул, умчался в Питер, завербовался на флот, ну а остальное ты и сам знаешь — вся жизнь коту под хвост! Я думал тогда, что она уехала к тебе, но потом от матери узнал, что у тебя совсем другая невеста — та самая Марина, о которой ты мне рассказывал до... разрыва. Тогда я разозлился на тебя еще больше, а еще сильнее — на себя самого, но ничего менять в своей жизни не стал — так и катился по наклонной плоскости. Сейчас я бы все-все ей простил, даже не раздумывая.

— А мне? — спросил Алексей с робкой надеждой. — Меня ты не можешь простить?

— Ты — совсем другое дело. Я никак не пойму, зачем ты влез тогда в нашу жизнь? Заскучал в Москве? Развлечься захотел? — раскладушка противно взвизгнула, это Егор сел и напряженно уставился на Алексея.

Алексей тоже сменил положение на сидячее и впервые за все время их встречи посмотрел брату прямо в глаза:

— Моя жизнь сломана не меньше твоей. Вот ты смотришь на меня, думаешь: костюмчик дорогой, мышцы накачанные, директором работает, жена красавица, ребенок в Англии учится — а ведь все это только маска, дымовая завеса, а внутри — пустота, выгорело все. Я бы всю свою эту успешную жизнь не задумываясь отдал, чтобы хотя бы на секунду вернуться туда — в нашу юность!

— И что бы ты изменил там?

Алексей не успел ответить. За стеной послышался шум: затопали ноги, послышались приглушенные встревоженные голоса, какая-то непонятная возня происходила в комнате отца. Братья вскочили и бросились в коридор. У постели умирающего взволнованно суетились женщины. Начиналась агония.

ГЛАВА 21

Похороны прошли тихо, без оркестра, длинного траурного кортежа и толпы праздных зевак. Кроме братьев, матери и сиделки, было еще несколько родственников и друзей, поэтому поминки решили справлять дома. Сидели по-родственному, вспоминали

случаи из прошлой жизни, рассматривали семейные фотографии в старинных пыльных альбомах.

«Интересно, — подумал Алексей, — а что будут рассматривать родные на наших похоронах — фото в смартфонах?» От этой мысли ему стало невыносимо грустно, как будто вместе с отцом от него уходил старый добрый мир, в котором люди не знали еще цифровых заменителей настоящих вещей, а реальные улыбки и прикосновения ценили выше лайков в Интернете.

Скорбные заботы последних дней сильно сблизили их с братом, и хотя серьезный разговор первой ночи в родительском доме так и остался оборванным на полуслове, Алексей чувствовал, что тонкая ниточка былого взаимопонимания потихоньку восстанавливается между ними. Но было еще одно, что занимало Алексея даже больше, чем хлопоты, связанные с похоронами отца, и взаимоотношения с братом, — странная эсэмэска с незнакомого номера, которая пришла к нему на кладбище.

Текст эсэмэски гласил: «Алексей, добрый день! Я бы очень хотела с вами встретиться, чтобы поговорить об одной вашей старой знакомой. Это очень важно. Приходите...», и дальше следовало название кафе и время встречи, а приписка вообще сразила его наповал: «Столик будет заказан на имя Светы».

Света! Неужели это сообщение от нее? Неужели она решила прервать молчание и выйти из тени, в которой так долго пряталась? Но почему именно сейчас, через двадцать лет, когда все уже отболело и быльем поросло? Но отболело ли? Почему же тогда так забилось сердце от этой таинственной эсэмэски?

Память властно вырвала Алексея из группы скорбных людей над раскрытой могилой и швырнула на двадцать лет назад, в плацкартный вагон ночного поезда, уносящего его от вероломной обманщицы. Как он негодовал и бесился тогда! Как проклинал неверную и ругал ее последними словами! Ему казалось, что ничем, кроме внутренней испорченности, невозможно объяснить такой поступок. Особенно горько было от того, что девушка рассорила его с братом. И зачем было клясться в вечной любви? Зачем убеждать его, что она сможет решить все вопросы с Егором полюбовно?

С вокзала он поехал не к другу, как договаривался, а к Марине, внутренне радуясь, что у него хватило ума не рассказать ей все раньше времени — хорош бы он был сейчас! На контрасте со Светой Марина показалась ему идеалом честности и порядочности. Вскоре они решили пожениться. Рождение сына добавило новых оттенков и полутонов в их брак: они стали настоящей семьей, во всяком случае, Алексею так тогда казалось. За пределами семьи все его мысли и чувства были поглощены работой, где разворачивалась захватывающая головокружительная карьера, похожая на ралли с препятствиями. Все было просто замечательно, но почему-то, чем взрослее становился сын, чем больших успехов добивался Алексей в своей профессиональной деятельности, тем чаще вспоминался ему волшебный июнь на берегу Волги, разогретый солнцем пляж, заросли ивняка и бересклета, где так хорошо было прятаться от летнего зноя, и то никогда больше не повторившееся в его жизни чувство фантастического полета в неведомое вместе с его ненаглядной Светой. С высоты прожитых лет он иначе посмотрел на ее предательство. Он понял, что для женщины часто невозможно оборвать пути, связывающие ее с мужчиной, даже если она любит другого. Он вдруг отчетливо вспомнил слова Светы: «Для этого мне нужны время и покой». А он, олух, не дал ей ни того, ни другого!

Брат прекратил с ним всякое общение, а от родителей Алексей узнал, что он уехал в Петербург и устроился на флот. Наверное, он уехал вместе со Светой, — решил тогда Алексей. Но через пару лет, опять же от родителей, узнал, что Егор живет совсем с другой женщиной, и тогда он решился позвонить Свете, чтобы узнать, как у нее де-

ла, но автоматический голос робота-оператора ответил ему, что номер не обслуживается. Последняя ниточка, связывающая Алексея со Светой, оборвалась, но ее образ не исчез из его памяти. Годы шли, Алексей мужал и старел, а образ Светы оставался таким же юным, светлым и обворожительным, каким был пять-десять-двадцать лет назад. Люди в нашей памяти не стареют.

И вот теперь этот полупрозрачный, истончившийся до неосвязаемости образ из юности стучался к нему из прошлого эсэмэской с незнакомого номера.

Алексей сидел за столом в окружении скорбящей родни, а душой он был далеко. Ему хотелось найти подходящий предлог, чтобы пойти на загадочную встречу, не привлекая внимания родственников. Благо гости, посидев пару часов, разошлись, а потом и Егор, сославшись на встречу со старым другом, покинул квартиру. Алексей облегченно вздохнул. Дома оставалась одна мама, и он сказал ей, что ему тоже нужно отлучиться ненадолго. Мама, погруженная в свои грустные мысли, только тихо улыбнулась в ответ.

Чувствуя себя последним подлецом, Алексей помчался в кафе «Жигули» на встречу с таинственным анонимом, а может быть, со Светой?

Кафе было построено давным-давно, еще в былинные советские времена на крутом волжском берегу с панорамным видом на Волгу. После развала Союза в кафе какое-то время размещался мебельный магазин, потом и он разорился, и пару лет кафе стояло заколоченным. Дорожки к нему заросли полынью и лебедой, вокруг буйно разрослись акации и сирени, а в самом кафе поселились бомжи, но, к счастью, ничего не сожгли. В самом начале нулевых кафе выкупил у города и вернул к жизни предприимчивый ресторатор, и оно стало модным и посещаемым местом, хорошо известным среди горожан. Алексей со Светой часто забредали в него в тот незабвенный июнь в своих путешествиях вдоль волжского косогора. Кафе стало почти обязательной точкой в их хаотичных странствиях. Там было приятно посидеть в кондиционерной прохладе, посмотреть на величественный волжский вид и выпить по чашечке кофе, прежде чем продолжить свое увлекательное любовное путешествие.

С замирающим сердцем Алексей толкнул дверь кафе.

— У вас заказан столик? — спросил его улыбающийся молодой человек у конторки.

— Да, на имя Светы, — ответил Алексей и поразился тому, как хрипло и неуверенно звучит его голос.

— Вас уже ждут, — непонятно чему обрадовался портье и повел Алексея на второй этаж.

Каждая ступенька давалась Алексею с невероятным трудом, как будто к ногам были привязаны двухпудовые гири. В зале играла тихая музыка, и все столы были уже заняты. Алексей понимал, что в кафе много народа, но не видел никого вокруг, перед его внутренним взором стояло лицо Светы, вдруг проявившееся с небывалой кинематографической четкостью: он видел ее глаза, улыбку, завиток волос на левом виске — она стояла перед ним, как живая, перебивая яркостью своего образа возбужденную ресторанный толпу.

— Вот ваш столик. Хорошего отдыха, — сказал портье и жестом пригласил Алексея присесть.

Алексей в недоумении уставился на человека, сидящего за столом.

Это был Егор.

ГЛАВА 22

— Судя по всему, ты тоже получил СМС, — сказал Егор, когда Алексей занял свое место за столом.

— То есть ты хочешь сказать, что это не твой розыгрыш, — констатировал старший брат.

— Разумеется, стал бы я так шутить.

Перед Егором стояла чашка с ароматным кофе, и Алексей заказал кофе и для себя. Какое-то время они посидели молча.

— Интересно, кто это с нами так играет? — озвучил наконец тот вопрос, что волновал обоих братьев, Егор. — Неужели Светлана?

— Ну, и зачем ей это надо?

— Не знаю, может быть, хочет повидаться?

— Не поздновато ли? Вся жизнь прошла с тех пор.

— Может быть, ей нужно сказать нам что-то важное?

Снова повисла пауза. Братья оглядывались по сторонам, пытались понять, кто их вызвал в это кафе, но люди за столиками были заняты своей жизнью — никому до Федоровых не было никакого дела: кто-то поднимал бокал, оживленно при этом жестикулируя; кто-то нежно держал свою визави за руку и что-то шептал ей на ухо; веселая компания смеялась и бурлила молодой необузданной энергией, очень довольная собой, выпивкой, закуской, видом на бескрайнюю Волгу и развеселой музыкой, льющейся из колонок.

— Кстати, раз уж мы все равно ждем неизвестно кого, может быть, все-таки закончишь свою мысль из нашего прошлого разговора, — прервал молчание Егор, — что бы ты изменил, если бы вернулся на двадцать лет назад?

Алексей долго не раздумывал над ответом. Он сказал твердо и решительно:

— Я бы остался в Средневожске.

Егор был искренне удивлен услышанным. До сих пор все его угрызения и метания исходили из предположения, что связь брата со Светой была случайной и несерьезной, этакая минутная слабость, временное помрачение двух молодых, пышущих здоровьем людей, которых охватила внезапная страсть; он и казнил-то себя все двадцать лет прежде всего за то, что не мог простить себе слишком серьезного отношения к этому рядовому, в общем-то, случаю (с кем не бывает!) — и в результате это слишком серьезное отношение разрушило всю его жизнь. А оказывается — дело обстояло совсем иначе, если даже сейчас, спустя два десятилетия, Алексей сожалеет о том, что не стал бороться за свою любовь.

— Тогда я был уверен, что Света осталась с тобой, и не хотел вам мешать, — продолжал свою мысль Алексей, — а когда узнал, что это не так, было уже слишком поздно, у меня уже родился сын, да и вообще московская жизнь засосала так, что мама не горюй.

— В общем, мы с тобой как два турмана: грудью ударились, перья во все стороны разлетелись, а голубка-то от обоих упорхнула, — резюмировал в образной манере Егор.

Алексей представил двух расфуфыренных, раздувшихся от своей важности голубей и их глупый вид, когда они с удивлением замечают, что голубка, из-за которой они дрались, улетела, и невольно засмеялся. Егор сначала с удивлением посмотрел на брата, потом улыбнулся, а потом тоже залился молодым заразительным смехом, как не смеялся, наверное, уже тысячу лет.

Пока братья смеялись, они не обратили внимания, как кто-то тихонько подошел к их столику, и заметили нового человека, только когда тот занял свободный стул, вернее сказать заняла, потому что это была девушка.

На вид ей было лет двадцать, впрочем, в наше время, внешность очень обманчива. Современная девушка может и в тридцать, и в тридцать пять лет выглядеть на двадцать, так же как в двадцать на тридцать пять. Это была типичная современная девуш-

ка с длинными прямыми, явно крашенными волосами, отдававшими немного в красный цвет, в синей, плотно облегающей фигуру маечке на тонких бретельках, рядом с которыми располагались также бретельки бюстгалтера, просвечивающего сквозь тонкую прозрачную ткань. На шее болтался маленький черный медальон на черной бархатной ленточке с серебряным трилистником в центре, на правом плече красовалась изящная татуировка в виде двух цветков розы, такие же розы украшали предплечье. Ее ногти были покрыты черным лаком, а в левом ухе, выставленном напоказ, торчало сразу несколько сережек разной формы.

В последнее время братья не очень тесно общались с современными девушками, поэтому присутствие этого чуда за их столиком подействовало на них, как удар электрического тока. Несмотря на всю экстравагантность вида незнакомки и юность ее лет братья могли поклясться, что где-то они уже видели эту девушку. Но где? И почему она под села к их столу? И зачем она их сюда позвала? Ведь, скорее всего, это была именно она!

— Да, вы правы, — как бы угадав их мысли, сказала девушка, и ее голос тоже показался братьям чем-то знакомым, — это я пригласила вас. Не буду тянуть интригу — меня зовут Даша, я дочь Светланы.

Слова девушки вызвали у обоих мужчин шок: они сидели, совершенно окаменев, и не могли оторвать взгляд от небесного видения, вдруг материализовавшегося перед ними. Обоих одновременно пронзила одна и та же мысль, как будто она не возникла в их головах, а влетела откуда-то с открытой веранды и навывлет пробила обе головы, как шальная пуля.

— Так, значит... — обретя дар речи, заговорил Егор, и опять Даша оборвала его, не дав договорить:

— Да, это значит, что один из вас — мой биологический отец.

Слова девушки прозвучали как-то жестко и внешне бесстрастно, это немного обидело мужчин.

— И кто же? — попытался преодолеть неопределенность Алексей.

— Понятия не имею, да это мне и неинтересно, — отрезала Даша.

— Зачем же ты позвала нас сюда? — почти в один голос спросили братья.

— Мама узнала, что умер ваш отец — примите, кстати, мои соболезнования — и что вы оба будете на похоронах, вот и попросила вызвать вас в это кафе и кое-что передать.

С этими словами она достала из сумки запечатанный конверт и положила перед братьями на стол, затем стремительно поднялась и направилась к выходу. Братья вскочили и попытались ее остановить.

— Подожди секундочку, — наперебой заговорили они, — расскажи хоть немного о себе, как мама. Как вы живете?

Девушка задержалась на минуту и посмотрела на двух побитых жизнью и мало интересных для нее мужчин с досадой и нетерпением — ее явно ждали более важные дела.

— Ой, только не надо отцовских чувств, ладно? — с усмешкой сказала она. — Вас не было в нашей с мамой жизни двадцать лет — и не надо, чтоб вы там вдруг появились. У нас все хорошо. Мама здорова, работает, я учусь в университете, у меня прекрасный отец, которого я очень люблю, и чудесный младший брат, которого я люблю еще больше. Вас никогда не было в нашей жизни — и не будет. Этого не хочет никто: ни мама, ни я, ни папа. А письмо она просила вам передать, потому что ее время от времени охватывают какие-то странные приступы непонятной ностальгии, все ей кажется, что вы могли ее неправильно понять, все чувствует какую-то вину перед вами. Больше всего ее расстраивает, что вы разругались между собой, вот она и решила, что это письмо вас помирит. Не знаю, что уж она там написала! Так что адью, папаши! Мирись-миришь-миришь и больше не дерись!

Даша лучезарно улыбнулась на прощание и исчезла в проеме дверей так же стремительно и неуловимо, как и появилась.

Потрясенные случившимся, братья вернулись к столу. Белый неподписанный конверт, точно магическое послание из прошлого, манил и в то же время отпугивал своей девственной чистотой. Несколько минут братья, будто замороженные, смотрели на него не отрываясь. Наконец более решительный Алексей протянул руку и придвинул бумажный четырехугольник к себе, затем он дважды перегнул и аккуратно оторвал от края конверта узкую белую полоску, погрузил пальцы внутрь и вынул на свет лист писчей бумаги, покрытый с двух сторон плотным убористым шрифтом, напечатанным на принтере. Егор взял стул и подсел к брату сбоку. Они положили перед собой извлеченный из недр конверта листок и погрузились в чтение.

ГЛАВА 23. ПИСЬМО СВЕТЛАНЫ

Не прошло и двадцати лет, как я решила написать вам это письмо. Зачем пишу, я толком и сама не знаю — просто хочется высказаться, чтобы закончить нашу историю. История давняя, но раз вы до сих пор не общаетесь друг с другом, раз я до сих пор еще продолжаю с каждым из вас мысленный спор, значит, она еще не закончилась, и надеюсь, это письмо поставит в ней долгожданную точку.

Наверное, вас интересуют вопросы типа: любила ли я вас тогда? Кого любила больше? Любила ли «по-настоящему»? И другая подобная дребедень, которой постоянно мучаются отвергнутые мужчины. Это чисто мужские вопросы, которые требуют таких же мужских, то есть однозначных, ответов, а таких ответов, увы, нет — все гораздо проще и гораздо сложнее.

Не буду кривить душой. Я вообще решила говорить в этом письме только правду, как бы она ни шокировала вас и как бы вы ни стали ко мне после этого относиться. Да, я любила вас обоих. Почему так получилось? Я и сама не знаю.

Егор, я ценила твою любовь ко мне, хотела соответствовать ей. С каждым днем я чувствовала к тебе все нарастающую нежность. Я была готова прожить с тобой всю жизнь. Но ты знаешь, в том, что произошло, есть доля и твоей вины: слишком красочными и восторженными были твои рассказы о брате. Я полюбила твоего брата в своих мечтах, растревоженных теми рассказами, еще до того, как его увидела. Живя рядом с ним, видя его каждый день, проводя очень много времени вместе, пока ты был занят дипломными делами, я упустила момент, когда чувство, таившееся внутри, вдруг вырвалось наружу и захлестнуло меня с головой, а потом уже поздно было его усмирять — уже не я им, а оно владело мной. Я понимала, что причиняю тебе боль, но ничего не могла с собой поделать — это было выше меня. Кроме того, мне почему-то казалось, что если ты любишь нас обоих, ты простишь нам и нашу любовь друг к другу. Вот такая я была дура!

В тот вечер, когда ты неожиданно пришел домой, хотя должен был быть у друзей, а я стояла уже в прихожей с чемоданом, готовая отправиться на вокзал, и внизу ждало такси, ты был так встревожен и подавлен, так искренне умолял меня остаться, был таким беспомощным и беззащитным, что я вдруг страшно застыдилась того, что собиралась сделать, и поклялась, что никогда тебя не брошу. Сейчас я понимаю, что это была ошибка. Ты не сдержал своего слова. То, что началось в нашей жизни потом, иначе как кошмаром не назовешь. Я поняла, что жизни с тобой не будет, и в конце концов ушла, но было уже слишком поздно. К Алексею вернуться я уже не могла — и на долгих пять лет я осталась совершенно одна. Хотя нет, почему одна — вы видели мою чудесную дочурку, она скрашивала мое одиночество и наполняла мою жизнь любовью и смыслом. А потом появился он, мой теперешний муж и самый лучший в мире друг. Я с ним счастлива и спокойна. У нас родился прекрасный сын, которому скоро исполнится десять лет. Так что в моей жизни все наладилось, чего и вам желаю.

Я не жалею о том, что с нами произошло тогда, и мне нисколько не стыдно — я была честной перед собой и перед вами. Единственное, что тревожит меня все эти

годы и за что я постоянно чувствую свою вину — это то, что вы из-за меня рассо-
рились, а я ничего не смогла сделать, чтобы этому помешать. Не надо было пускать
тогда Егора на вокзал, но, впрочем, скорее всего, это мало что изменило бы.

Признаюсь, все эти годы я изредка навещала ваших родителей, поэтому была
в курсе затянувшейся вендетты. Им я ничего не объясняла, поэтому о нашей исто-
рии они ничего не знают. Пользуясь случаем, хочу принести вам свои самые искрен-
ные соболезнования по поводу смерти Михаила Павловича, он был чудесным чело-
веком, человеком уходящей формации, которых сегодня, к сожалению, становится
все меньше и меньше.

Екатерина Ивановна при каждой встрече жаловалась мне, что вы не общаетесь
друг с другом, и во время последней встречи, за неделю до вашего приезда, я пообещала ей, что попробую вас помирить. Так что воспринимайте это письмо в том чис-
ле и как исполнение обещания перед вашей матерью. Надеюсь, и мама, и я для вас
еще что-то значим, и вы перешагнете наконец через свою мужскую гордыню и по-
жмете друг другу руки. Во всяком случае, я бы этого очень хотела. Наша жизнь пе-
решла уже через свой перевал, так что, наверное, настало время собирать камни, ко-
торые мы так небрежно поразбросали в молодости.

А теперь о том, что вас, скорее всего, очень сильно взволновало — о нашей до-
чери. Как вам она? Не правда ли, своенравная девица? Я уверена, она построила вас
по росту и заставила ходить строем. Не удивляйтесь — это в ее духе, но по сути она
добрая и ранимая, так что сильно не бойтесь ее. Когда я попросила ее поработать
почтальоном, она заявила, что знает вас не знает и знает не желает, а будет общаться
с вами только под дулом пистолета, и то, если ее при этом прикуют наручниками
к батарее, но видите — все-таки поехала и письмо все-таки передала, раз вы его чи-
таете. Наверное, вам бы хотелось узнать ее поближе, да и со мной вы, наверное,
захотите повидаться. Что ж, со временем, надеюсь, все это станет возможным, но од-
но условие непеременимое: вы должны помириться. Если этого не произойдет, ника-
ких дальнейших шагов к сближению не будет.

А вот чья Даша дочь, я вам не скажу. Пусть это останется тайной. Если при-
прете меня к стене, я отвечу, что и сама не знаю. Считайте ее общей дочерью. Она
была зачата в том безумном июне, когда гормоны били через край и когда я силь-
но, пусть и по-разному, любила вас обоих. Я и для себя считаю ее вашей общей до-
черью, а правды никому из вас не скажу — уж простите мне эту женскую хитрость.
Впрочем, даже если бы я и сказала вам правду — вы бы все равно не поверили, тем
более что любой даже самый точный тест ДНК в данной ситуации, как вы отлично
понимаете, бессилён.

Вот так вот, братья Федоровы, все в ваших руках. Будьте мудры и великодушны!
Любившая вас когда-то С.

Р. S. Впрочем, почему «любившая»? Я вас до сих пор люблю, только не задирай-
те, пожалуйста, носы и не стройте дурацких планов, потому что любовь, как я пони-
маю ее теперь, с высоты своего возраста, это совсем не то, что мы принимали за нее
в нашей юности. Надеюсь, вы это тоже теперь понимаете.

ГЛАВА 24

Длинный июньский день катился к концу. Небо над Волгой постепенно темнело,
а вместе с ним темнели волжские воды, приобретая стальной оттенок. На эстраде по-
явились музыканты, и красивый женский голос запел:

Это был короткий роман любви моей,
Это был красивый обман — игра теней.
Далеко ушел караван случайных дней,
Где они растаяли — кто теперь знает.

Это увлекательный был аттракцион,
 Так еще никто не любил, как я и он.
 Он меня шутя посадил в пустой вагон,
 Я шутя уехала в поезде ночью.

В кафе зажглись теплые золотые огни, на танцпол потянулись влюбленные пары, а женский голос продолжал:

Манит, манит, манит карусель
 В путешествие по замкнутому кругу.
 Дарит, дарит, дарит карусель
 То надежду, то досадную разлуку.
 Манит, манит, манит карусель,
 Карусель любви — неверная подруга.
 Манит, манит, манит карусель,
 И на ней никак нельзя догнать друг друга.

Братья Федоровы все сидели за своим столом, и перед ними по-прежнему лежал листок, покрытый плотным убористым шрифтом. Музыка, нежный женский голос, мелодия и слова хита их молодости вернули их в далекое прошлое, когда они были еще юны и счастливы, когда вся жизнь была впереди и их любила самая лучшая девушка на свете. Им было безумно грустно, и бездомно, и жалко себя. Жалко своей бестолковой, неудавшейся жизни. Первым очнулся Алексей. Он поднялся и протянул Егору свою широкую сильную ладонь. Егор встал ему навстречу, взял его руку в свою, а затем свободной рукой охватил брата за плечи и тесно прижался к нему всем телом. Так они и стояли в центре зала целую вечность, вызывая удивленные взгляды и пошловатые ухмылки подгулявшей публики.

Домой они приехали вместе, с трудом скрывая веселое возбуждение, переполнявшее их. Мать еще не спала и, несмотря на скорбное настроение сегодняшнего бесконечного дня, порадовалась в душе за сыновей. Она сразу же усадила их за стол и стала расспрашивать, что произошло, уж не помирились ли они?

— Помирились, мама, помирились, — ответили братья.

— Вот и славно, вот и хорошо, худой мир лучше доброй ссоры, — кивала она головой и улыбалась умиротворенной улыбкой. — А что вам дружно-то не жилось? Чего делили-то?

— Да просто дураками были.

— А осиротели — так и поумнели?

— Видать, так.

Всю ночь братья не могли уснуть. За двадцать лет накопилось так много всего, о чем теперь хотелось рассказать друг другу. Егор рассказывал о своих плаваниях, о нескладной и незадавшейся личной жизни, о проблемах с алкоголем, которые он с большим трудом только-только преодолел и теперь не пьет ни грамма. Алексей говорил о Марине, о сыне, о тех фирмах, которыми ему приходилось руководить, и — о чудо! — все это вдруг наполнилось для него реальной ценностью, он подробно рассказывал об успехах своего сына, о милых слабостях и привычках жены, о непростых проблемах в мире бизнеса, которые ему удавалось успешно решать. Братья искренне гордились и восхищались друг другом, жалели, что так много лет не общались, и клялись не расставаться так надолго в будущем.

Утром Алексей уезжал обратно в Москву. Егор пришел его провожать. Они стояли у двери вагона и все никак не могли наговориться.

— А ты когда едешь? — спросил Алексей.

— А я остаюсь, — ответил Егор, — в Питере меня никто не ждет, а здесь отцова могла, мама старенькая...

Егор замолчал, но фраза повисла в воздухе без интонации конца, как будто он недоговорил чего-то важного. Алексей почувствовал эту недосказанность.

— И дочка, — закончил он за брата.

— Да, и дочка, — смущенно согласился Егор.

— Ты думаешь, сможешь наладить с ней отношения?

— Я даже не сомневаюсь. Телефон у меня ее есть — остальное дело техники.

— Ты знаешь, я бы тоже остался, но сам понимаешь — семья, да и где я себе здесь работу найду, а так я хоть матери смогу помогать, да и дочери, если ты, как говоришь, наладишь с ней отношения.

— Налажу, обязательно налажу, в этом ты не сомневайся!

— Размечтался! Ничего ты не наладишь, если я тебе не помогу! — эту фразу сказал не брат. Она прозвучала совершенно неожиданно для обоих и была произнесена голосом, тембр которого оба брата, даже если бы очень захотели, никогда не смогли бы забыть и спутать с чьим-нибудь другим. Это был тот самый голос, который читал «Девушку» Блока на конкурсе первокурсников. Это был тот самый голос, который назвал Алексея по имени, когда он впервые переступил порог братовой квартиры. Непередаваемый, незабвенный, ни с чем не сравнимый голос, который казался слабеньким, надламывался на повышениях тона, но была в нем какая-то скрытая сила, которая проникала в грудь, сжимала сердце и заставляло его биться учащенно. Конечно, таким голосом мог говорить единственный человек в целом мире — их Света, Светик, Светлана. Но где же она? Братья в растерянности огляделись по сторонам — и увидели невысокую полную женщину лет сорока в брюках и длинном кардигане, удачно скрывающем ее полноту. Черты лица ее укрупнились, лицо округлилось и немного расплылось, на шее явно обозначился второй подбородок, и только глаза и улыбка были все теми же.

— Светка! — радостно закричали братья и бросились ее обнимать.

Света смеялась и шутя отбивалась от них:

— Ну хватит, хватит, весь кардиган мне помнете и косметику смажете! И так, Алексей у нас, как и в прошлый раз, убегает, а Егор остается. Егору респект! А с вами, Алексей Михайлович, пообщаемся в следующий приезд. Надеюсь, вы не заставите нас ждать столько же, сколько в прошлый раз!

— Светка, ты — прелесть! — только и мог вымолвить Алексей. — Ну и дурак же я был!

— Ничего-ничего, не ты один. Не вешай нос — жизнь продолжается. Может быть, и хорошо, что все так тогда получилось. Кто знает?

Впереди на путях печально запел тепловоз.

— Отъезжающих прошу занять свои места, — привычным речитативом обратилась к пассажирам проводница, — через минуту трогаемся.

Отъезжающие послушно поплелись в вагон. Алексей в последний раз обнялся с братом, а затем со Светланой, зашел в свое купе и посмотрел в окно. Егор и Света стояли рядом, смотрели на него и улыбались. Егор что-то говорил ему, активно жестикулируя. Алексей не слышал слов, но по губам и жестам понял, что брат просит его поскорее приезжать.

Вагон плавно тронулся, а на платформе по старинной традиции заиграл марш «Прощание славянки». Звуки этого марша всегда будили в душе Алексея какие-то потаенные струны и вызывали слезы на глазах.

Звуки марша, две родные фигуры на перроне, сначала пытающиеся идти вровень с окном, но все более отстающие по мере набора поездом скорости и вскоре совсем исчезнувшие за кромкой оконной рамы, — как все это печально, о Боже! Как невыносимо больно, грустно и прекрасно жить на этой земле!